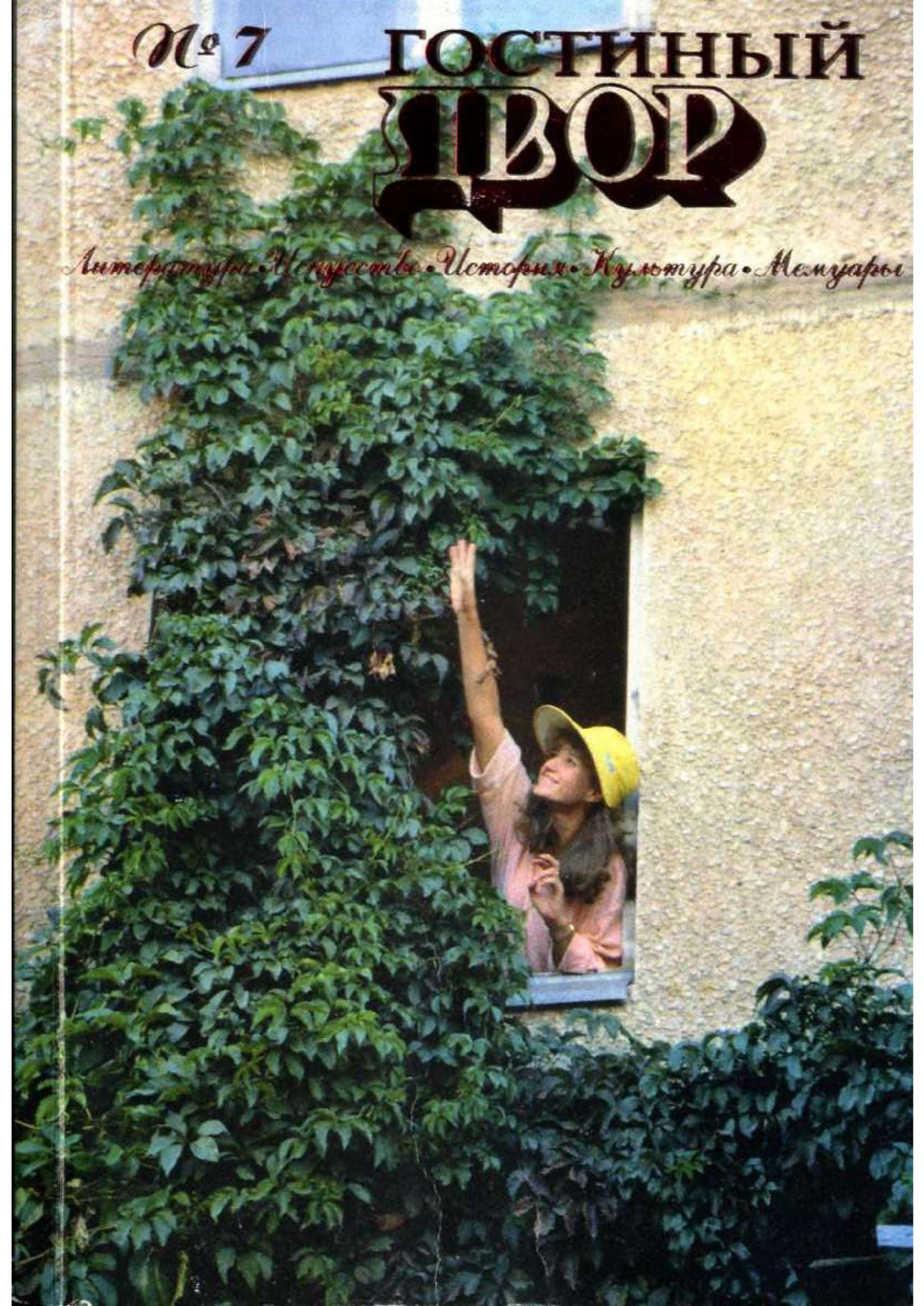

№ 7

ГОСТИНЬИЙ ДВОР

Литература • Искусство • История • Культура • Мемуары

Ольга Михайловна Скибина родилась в Оренбургской области.

Окончила историко-филологический факультет и аспирантуру Московского государственного педагогического университета им. В. И. Ленина. Доцент кафедры мировой литературы Оренбургского государственного педагогического университета, один из авторов Чеховской энциклопедии (Москва).

Ольга Скибина

«Адрес мой: Оренбург, Переселенческая контора...»

Где теперь Дедлов?
Мне нужно его видеть или написать ему.
А. П. Чехов — М. О. Меньшикову
20 января 1894 г.

Среди выдающихся русских беллетристов конца прошлого века имя Владимира Людвиговича Кизна-Дедлова не значит — в памяти потомков едва ли удержалось название хоть одного его произведения. Переиздать их не решаются и сегодня, виной чему отчасти и слишком самокритичное признание писателя: «Настоящего таланта у меня нет, а с ненастоящим и писать не стоит».

Между тем, в конце 80-х годов прошлого столетия, в так называемое «застойное время» русской словесности, когда в обращение вошла звонкая фраза, брошенная одним из критиков: «Писателю не хочется писать, а читателю — читать», в петербургской газете «Неделя» одна за другой стали появляться публицистические заметки за подписью некоего Дедлова. При общей «бесцветности» газетного языка написанное никому не известным автором запоминалось, восхищала изящная форма «путевых картин», а мотив самобытности русской культуры — в сравнении с западно-европейской, — объединяющий калейдоскоп заметок, звучал как нельзя более кстати.

Новое имя обратило на себя внимание (тираж «Недели» почти удвоился). Критика заговорила о «простоте и благородстве манер, плавной и раскисительной речи, прямо чарующей приветливости и подлинном добросердечии» автора, навеянные путешествиями по Италии, Франции, Египту и Турции очерки позволяли вспомнить «Письма русского путешественника» Карамзина, «Фрегат

«Паллада» Гончарова, «Письма об Испании» Боткина. А читатели полюбили Дедлова уже за один только язык — искрометный, сочный, ироничный.

Владимир Людвигович Кизн в своей автобиографии, написанной в третьем лице для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, указывает на самые важные вехи своей жизни. Помимо рождения в 1856 г. в Тамбове, отмечают «дворянское достоинство», католические «корни» по отцу и православные по матери. Мать, белоруска, «женщина весьма умная и строгих правил», имевшая склонность к писательству, и вселила в сына любовь к литературе.

В 1860 г. семья Кизнов переезжает в село Дедлово Могилевской губернии (отсюда и псевдоним будущего писателя). Затем гимназия в Москве, исключение из нее на последнем году за участие в студенческих революционных кружках, митарства по частным учебным заведениям, из которых одно «содержал сумасшедший (настоящий), другое — картежник, торовавшийся аттестатами своей гимназии». Впечатления об этих годах легли в основу первого, опубликованного в 1876 г. рассказа «Экзамен зрелости», о котором благожелательно отозвался И.С.Тургенев, — к нему Кизн обратился с «наивным вопросом, как распознать в себе объективный талант».

Еще студентом юридического факультета Петербургского университета В.Л.Кизн печатался в «Неделе», «Русском богатстве», «Ниве» и других столичных изданиях. Потребность в духовном авторитете привела его к сближению с историком искусства, археологом, профессором Петербургского университета и редактором журнала «Пчела» Адрианом Викторовичем Праховым (1848-1916), в доме которого частыми гостями были М.Антокольский, Д.Менделеев, И.Репин, А.Майков. Великолепного знатока древней и западноевропейской культуры, защитившего докторскую диссертацию на тему «Зодчество древнего Египта», Прахова с годами увлекла «родная старина» — им

были открыты и восстановлены фрески Софийского и Владимирского соборов в Киеве. В поистине титанической работе во Владимирском соборе, продолжавшейся десять лет (1886-1896), участвовали М.Врубель, М.Нестеров, В.Васнецов, с которыми был знаком и дружен Кизн-Дедлов.

Под непосредственным влиянием именно этого человека формировались и сформировались эстетические вкусы и мировоззрения Владимира Кизна. Теперь мысль о необходимости максимально полного национального самоопределения как единственного способа изжить расколотовость и смуту современной России, где национальное в силу исторических причин либо утрачено, либо недопроявлено, постоянно присутствует во всех его публицистических заметках: «Пока искусство не стало на национальную почву, — нет искусства» («Киевский Владимирский собор и его художественные творцы», 1901).

«Православный модерн» — так обозначил он движение близких ему по духу художников.

Литература, произведения искусства и скитания по белу свету были три его страсти», — напишет о нем в некрологе один из его современников. Объездив всю Европу и страны ближнего Востока, посетив знаменитую выставку художников в Париже в 1889 г. и создав серию очерков об этих путешествиях, В.Л.Кизн-Дедлов принялся за художественную прозу (роман «Сашенька», 1892), но потерпел неудачу — по видимому, из-за тенденциозности в изображении молодого поколения. Кроме того (и это понимал сам Дедлов), работа над формой романа заставляла его «краснеть до испарины», а самоирония подсказывала эпитафию из «великих»: «Простите, что у меня нет времени написать коротко, и я по необходимости пишу пространно».

Едкие отзывы современников («Какой он романист — у него не было ни одного романа с порядочной женщиной!») доходили до писателя, и в 1892 г. он, ре-

шительно оставив беллетристику, вернулся на государственную службу по ведомству Министерства Внутренних Дел, к которому был причислен по окончании университета. С этого времени в его письмах появляется новый адрес: «Оренбург. Переселенческая контора».

Два с лишним года работы в Оренбурге, знакомом ему, как он говорил, только по биографии Шевченко да по «Катанской дочке», поездки по губернии, изучение жизни переселенцев открыли новую страницу творчества незаурядного писателя. Встреча же с бывшим сокурсником по юридическому факультету Николаем Боратынским, редактором газеты «Оренбургский край», вдохновила его на создание очерков из жизни «наших окраин», и с октября 1892 г. в каждом номере этой газеты стали почти ежедневно появляться заметки под псевдонимом «Переселенец». К декабрю Владимир Кигн был столь популярен в городе, что редакция сочла возможным опубликовать восторженные отзывы о его «Заметках и картинках». Приводим один из них:

О, милый мой Переселенец,
С «Недели» Вас еще люблю...
Хотя мешал мне муж, младенец, —
Вчера читала Вас в «Краю».
Мужчины (гадкие зоилы!)
Уже редактора бранят:
«Нам номера не будут милы», —
Передовых они хотят.
Но мы, все дамы и девицы,
Поверьте, Вам не изменим,
И в благодарность Вам за «вицы»*
«Край» через край распространим.
Но если три раза в неделю
Не будем видеть Вас в «Краю», —
Не только «Край», но и «Неделю»
Мы истребим в своем краю.

* «Остроты» (нем.)

Оренбургский период был плодотворен для В. Л. Кигна-Дедлова не только в плане собственного творчества. Посетив местный театр и ужаснувшись его репертуаром, он пишет Антону Павловичу Чехову, с которым еще не был знаком лично, и просит разрешения перепечатать в «Оренбургском крае» только что появившуюся в петербургском журнале «Север» «Попрыгунью»: она

дет служить иллюстрацией к статье о Вас» и содействовать просвещению «дикого Оренбурга». Получив согласие, В. Л. Кигн-Дедлов предварил публикацию чеховского рассказа очерком о ее авторе мемуарного характера (ко времени появления «Попрыгуньи» в «Оренбургском крае» уже состоялась их встреча в Петербурге). Став горячим пропагандистом творчества Чехова в нашей губернии, Дедлов содействует появлению в газете и рассказа «Черный монах» — в октябре 1893 г. С этого времени для оренбургского читателя Чехов перестает быть просто «одним из современных беллетристов», а в репертуаре театра, кроме чеховских водевилей, появляются «Чайка» и «Дядя Ваня».

Вернувшись в Петербург, г. Дедлов по-прежнему, вплоть до 1907 г. находится на службе, периодически совершая поездки по стране и публикуя затем «путевые заметки» о Сибири, Дальнем Востоке, Манчжурии... В 1906 г. вступает в члены монархического Русского собрания.

Жизнь свою Дедлов прожил одиноким холостяком, страдая диабетом («порой такие одолеют мысли, что либо зашьешь, либо удавишься»). И смерть его была как будто predetermined свыше: в 1908 г. «в гражданском клубе акцизный контролер Клятецкий, защищаясь, убил из револьвера дворянина Вл. Кигна, писавшего под псевдонимом «Дедлов».

Холодная, как мрамор, телеграмма, и прямо-таки недостойная Владимира Львовича смерть...», — писала о его кончине газета «Русский архив».

Предваряя публикацию очерков В. Кигна-Дедлова, позволю себе процитировать его предисловие к книге «Вокруг России: Портреты и пейзажи»:

«Русский читатель все еще слишком мало знает свое отечество и его окраины, в особенности. Всякая попытка прийти в этом случае на помощь, не бесполезна, — и я решаюсь издать эту

книгу, которая составилась из статей, писанных в разное время, но всегда на основании непосредственных наблюдений. Книга посвящена главным образом нашим окраинам, на которые я смотрю как на наши окраины. Возможна и другая точка зрения, — считать Россию ихней окраиной, но статья на ее русском литератору мудрено. Из этого не следует, однако, что русский литератор должен России льстить. России лесть не нужна и нужна ей не лесть».

В. Л. Кигн-Дедлов

Заметки и картинки

домов сорок, обыватели нигде не приписаны. Я не шучу. Еще в сороковых годах в Тургай и Карабутак были переведены оренбургские казаки. От оренбургского войска их отчислили, а по новому месту не причислили, потому что Тургайская область и до сего дня управляется на основании «временного» положения. И живут себе бывшие казаки словно на необитаемом острове. В солдатах не служат, податей не несут, даже паспортов не имеют.

Таким-то вот «необитаемым» представлял я себе и Оренбург. К удивлению, необитаемый остров оказался настоящей маленькой столицей. По дороге со старины я видел Тулу, Орел и Самару. Тула и Орел старые русские города, Самара — город новый, но все три одинаково тоскливы, а Самара даже и противна немного. Тула и Орел не только старые, но и падающие города, и это увеличивает тоску, которую они нагоняют. Торговля тихая, улицы пустынные, дома как один, в виде белых каменных коробок, с дырами вместо окон и без всяких архитектурных украшений. Москва оттянула от этих городов все соки, и они хиреют и чахнут. И люди там какие-то измельчавшие.

ОРЕНБУРГ СВЕТЛЫЙ

Оренбург неизмеримо лучше и интересней, чем о нем думают. Думают же о нем дурно, потому что его совсем не знают. Даже в близкой Самаре, даже очень просвещенные люди представляют себе Оренбург чем-то вроде Берды или, в лучшем случае, на манер нашего форштадта.

— Помилуйте, в Оренбурге издают газету! — восклицали очень просвещенные самарские люди. — Да ведь у вас там, кроме киргизов, нет никого. По-киргизски, что ли, вы будете писать для них?!

Да и я, переселенец, когда собирался со старины на оренбургские новые места, чувствовал себя настроенным не очень розово. Больше всего меня угнетало то обстоятельство, что в Оренбурге конец железной дороги, — вроде как бы конец света. Стоит это посреди песчаной пустыни железнодорожный вокзал, а вокруг — желочные кибитки, да две, три избы для начальства. Словом, в воображении своем я представлял себе Оренбург таким, каким впоследствии увидел Кустанай, каковы, по описаниям, Тургай, Актюбе, Карабутак. Это, действительно, нечто дикое, и ничтожное, и даже неестественное. Жителей — четыреста душ,

шителю оставив беллетристику, вернулся на государственную службу по ведомству Министерства Внутренних Дел, к которому был причислен по окончании университета. С этого времени в его письмах появляется новый адрес: «Оренбург. Переселенческая контора».

Два с лишним года работы в Оренбурге, знакомом ему, как он говорил, только по биографии Шевченко да по «Катанской дочке», поездки по губернии, изучение жизни переселенцев открыли новую страницу творчества незаурядного писателя. Встреча же с бывшим сокурсником по юридическому факультету Николаем Боратынским, редактором газеты «Оренбургский край», вдохновила его на создание очерков из жизни «наших окраин», и с октября 1892 г. в каждом номере этой газеты стали почти ежедневно появляться заметки под псевдонимом «Переселенец». К декабрю Владимир Кигн был столь популярен в городе, что редакция сочла возможным опубликовать восторженные отзывы о его «Заметках и картинках». Приводим один из них:

О, милый мой Переселенец,
С «Недели» Вас еще люблю...
Хотя мешал мне муж, младенец, —
Вчера читала Вас в «Краю».
Мужчины (гадки зомль!)
Уже редактора бранят:
«Нам номера не будут милы», —
Передовых они хотят.
Но мы, все дамы и девицы,
Поверьте, Вам не изменим,
И в благодарность Вам за «вицы»*
«Край» через край распространям.
Но если три раза в неделю
Не будем видеть Вас в «Краю», —
Не только «Край», но и «Неделю»
Мы истребим в своем краю.

* «Остроты» (нем.)

Оренбургский период был плодотворен для В. Л. Кигна-Дедлова не только в плане собственного творчества. Посетив местный театр и ужаснувшись его репертуаром, он пишет Антону Павловичу Чехову, с которым еще не был знаком лично, и просит разрешения перепечатать в «Оренбургском крае» только что появившуюся в петербургском журнале «Север» «Попрыгуны»: она бу-

дет служить иллюстрацией к статье о Вас» и содействовать просвещению «дикого Оренбурга». Получив согласие, В. Л. Кигн-Дедлов предварил публикацию чеховского рассказа очерком о ее авторе мемуарного характера (ко времени появления «Попрыгуны» в «Оренбургском крае» уже состоялась их встреча в Петербурге). Став горячим пропагандистом творчества Чехова в нашей губернии, Дедлов содействует появлению в газете и рассказа «Черный монах» — в октябре 1893 г. С этого времени для оренбургского читателя Чехов перестает быть просто «одним из современных беллетристов», а в репертуаре театра, кроме чеховских водевилей, появляются «Чайка» и «Дядя Ваня».

Вернувшись в Петербург, г. Дедлов по-прежнему, вплоть до 1907 г. находится на службе, периодически совершая поездки по стране и публикуя затем «путевые заметки» о Сибири, Дальнем Востоке, Манчжурии... В 1906 г. вступает в члены монархического Русского собрания.

Жизнь свою Дедлов прожил одиноким холостяком, страдая диабетом («...порой такие одолеют мысли, что либо зашьешь, либо удавишься»). И смерть его была как будто predetermined свыше: в 1908 г. «в гражданском клубе акцизный контролер Клятецкий, защищаясь, убил из револьвера дворянина Вл. Кигна, писавшего под псевдонимом «Дедлов».

Холодная, как мрамор, телеграмма, и прямо-таки недостойная Владимира Львовича смерть...», — писала о его кончине газета «Русский архив».

Предваряя публикацию очерков В. Кигна-Дедлова, позволю себе процитировать его предисловие к книге «Вокруг России: Портреты и пейзажи»:

«Русский читатель все еще слишком мало знает свое отечество и его окраины, в особенности. Всякая попытка прийти в этом случае на помощь, не бесполезна, — и я решаюсь издать эту

книгу, которая составилась из статей, писанных в разное время, но всегда на основании непосредственных наблюдений. Книга посвящена главным образом нашим окраинам, на которые я смотрю как на наши окраины. Возможна и другая точка зрения, — считать Россию ихней окраиной, но статья на ее русском литератору мудрено. Из этого не следует, однако, что русский литератор должен России льстить. России лести не нужна и нужна ей не лести».

В. Л. Кигн-Дедлов

Заметки и картинки

ОРЕНБУРГ СВЕТЛЫЙ

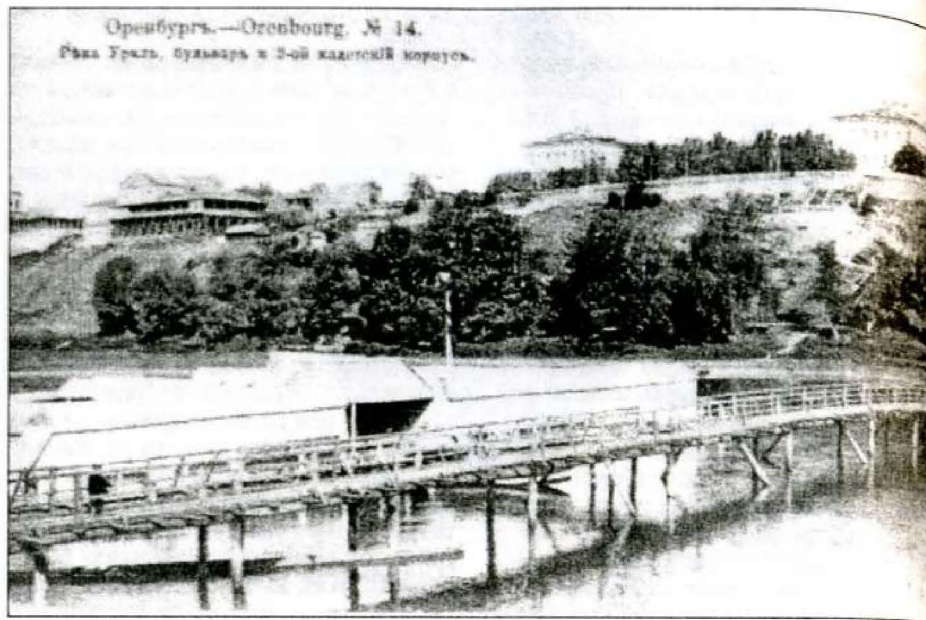
Оренбург неизмеримо лучше и интересней, чем о нем думают. Думают же о нем дурно, потому что его совсем не знают. Даже в близкой Самаре, даже очень просвещенные люди представляют себе Оренбург чем-то вроде Берды или, в лучшем случае, на манер нашего форштадта.

— Помилуйте, в Оренбурге издают газету! — восклицали очень просвещенные самарские люди. — Да ведь у вас там, кроме киргизов, нет никого. По-киргизски, что ли, вы будете писать для них?!

Да и я, переселенец, когда собирался со старины на оренбургские новые места, чувствовал себя настроенным не очень розово. Больше всего меня угнетало то обстоятельство, что в Оренбурге конец железной дороги, — вроде как бы конец света. Стоит это посреди песчаной пустыни железнодорожный вокзал, а вокруг — войлочные кибитки, да две, три избы для начальства. Словом, в воображении своем я представлял себе Оренбург таким, каким впоследствии увидел Кустанай, каковы, по описаниям, Тургай, Актюбе, Карабутак. Это, действительно, нечто дикое, и ничтожное, и даже неестественное. Жителей — четыреста душ,

домов сорок, обыватели нигде не приписаны. Я не шучу. Еще в сороковых годах в Тургай и Карабутак были переведены оренбургские казаки. От оренбургского войска их отчислили, а по новому месту не причислили, потому что Тургайская область и до сего дня управляется на основании «временного» положения. И живут себе бывшие казаки словно на необитаемом острове. В солдатах не служат, податей не несут, даже паспортов не имеют.

Таким-то вот «необитаемым» представлял я себе и Оренбург. К удивлению, необитаемый остров оказался настоящей маленькой столицей. По дороге со старины я видел Тулу, Орел и Самару. Тула и Орел старые русские города, Самара — город новый, но все три одинаково тоскливы, а Самара даже и противна немного. Тула и Орел не только старые, но и падающие города, и это увеличивает тоску, которую они нагоняют. Торговля тихая, улицы пустынные, дома как один, в виде белых каменных коробок, с дырами вместо окон и без всяких архитектурных украшений. Москва оттянула от этих городов все соки, и они хиреют и чахнут. И люди там какие-то измельчавшие.

Самара — бойкий и живой город. У берега сотни барок и пароходов, на берегу тысячи рабочих. Но и город, и река, и оживление положительно неизящны. Волга в Самаре лежит в своей некрасивой долине, словно в корыте; толпы рабочих — оборванные и наглые «горчишники»; сам город, со своими ужасными мостовыми, нештукатуренными красными кирпичными домами и разваливающимися деревянными заборами, производит впечатление чего-то облупленного и грязного.

После этих городов Оренбург смотрит совсем маленькой столицей.

Проидите по центральному нашим улицам, и на каждой вы найдете несколько домов очень милой архитектуры, которым не стыдно было бы стоять и в Москве, где-нибудь в бывших дворянских, а теперь купеческих кварталах, где обыватели живут собственными домами «особнячками». Более скромные дома, и те строятся с заботой о благообразии. По фасаду пущены украшения, подъезд прикрыт красивым жестяным кружевом. Даже в форштадте и слободах домишки строятся не только для того, чтобы в них прятаться от холода, а чтобы на них и поглядеть можно было. С этой целью ворота и крыльца изгибаются хитрыми

азиатскими арками и подпираются витыми колонками, тоже явно туркестанского или бухарского происхождения. Все это даст городу физиономию. Не то, что Самара, которая вместо лица показывает туристу свой окорок.

Частные дома не велики, и если бы город состоял из них одних, он был бы чересчур провинцией. Но тут выручают казенные здания. Обыкновенно в провинции эти последние представляют острогом и казначейством. В Оренбурге на первом плане учебные заведения. Прямо петербургские громады двух кадетских корпусов, семинария, мужская гимназия, представляющая копию с петербургской 1-ой гимназии, учительский институт, прекрасное здание контрольной палаты, уменьшенная копия с дома князя Юсупова в Петербурге на Невском. Если вы хотите оригинального, к вашим услугам белый караван-сарай, прячущийся в зеленых садах, и облицованные изразцами гауптвахта на берегу Урала и пакгауз позади караван-сарая. Есть и еще оригинальные здания, но это уж большие чудачки, чем оригиналы. Я говорю о киргизской школе и лютеранской церкви, особенно о последней.

Православные церкви тоже неудачны в

архитектурном отношении, особенно старые, которые строились в стиле позднемого иезуитского ренессанса. Зато Оренбург смело может гордиться строящимся собором. Это один из лучших в России образчиков византийского стиля, который разрабатывают в последнее время русские архитекторы. Собор будет лучшим памятником Оренбурга, и город должен постараться, чтобы он был окончен и украшен внутри на славу. Я говорю: на славу в прямом смысле этого слова. Слава Италии вся в ее храмах, с их живописью, скульптурой и архитектурой. Сотни тысяч путешественников ежегодно посещают Италию и разносят вести о ее художественных сокровищах по белому свету. И я там был, искал «новых мест», и действительно нашел их в новых для меня впечатлениях искусства. А теперь я в «Оренбургском Крае» говорю, что старая Италия — великая страна, что старые итальянцы — великие люди. Черт возьми, отчего же не желать, чтобы со временем и о России говорил то же какой-нибудь фельетонист «Афганистанского Вестника»? Конечно, слава в отдаленном потомстве не такая осязательная вещь, как веселая выпивка; но вспомните, что выпивка приятна только во время выпивки, и уже на другой день дело кончается головной болью и неприятной ревизией своего бумажника. А впрочем, головы бывают разные: иная ничего, кроме похмелья, и вместить-то не может.

Однако, эх куда я метнул! Возвратимся к Оренбургу настоящего времени.

Архитектурные достоинства, одни, не могли бы сделать Оренбург привлекательным. На что великолепен Петербург, но в октябре и ноябре, когда день продолжается какие-нибудь три-четыре часа, да и то больше похож на насморк, чем на день; когда туманы густы так, что их можно ковырять пальцем; когда моросит дождь, и ветер захлестывает его вам в нос и уши, — тогда половина петербуржцев готовы бежать из столицы. Оренбург по климату прямая противоположность Петербургу. Нашим климатом можно лечиться. Сухо, светло, ясно. Лето, так лето,

52° по Реомюру. Зима, так зима: санный путь и морозы. Недоразумений никаких. У нас на погоду никто не жалуется. Но это имеет и обратную сторону: не приходится о погоде говорить, а иной раз бывает очень кстати. От хорошего климата и народ здешний молодец. О казаках я уж и не говорю. Вы, конечно, знаете поговорку: отчего казак гладок — поел, да и на бок. Хотя в последнее время казак уже чересчур залежался на боку, так что сталь худеть. Землю отдал в аренду переселенцам, получаемые деньги неблагоразумно растратил и захудал. Новое Положение об управлении казаков хочет его поднять на ноги. В добрый час... Итак, не говоря уже о казаках, и переселенцы (не все, конечно) народ бравый. Советую вам летом под вечер выйти на мост через Урал, когда возвращаются домой из шерстомоен девки. Солдаты, а не девки! Рослые, стройные, красивые, крепкие. Хорошая разновидность русской породы, и побольше бы таких экземпляров для России. У нас на старине народ куда хуже. Под стать дамам и кавалеры, которых можно наблюдать на базарах, на толчке, в церквях, но главным образом, увы! в кабаках и трактирах.

Словом, красивый город — Оренбург. Светло, ясно. Зеленый Урал изящен. Старая роща за Уралом, на азиатском берегу, великолепна. Даже Чебенки, расположившиеся по скату речного берега, живописны. Но кроме изящества, Оренбург еще и постоянно, не замечает этого; но туристы в восторге от азиатского элемента Оренбурга. Вот идут татарки, закрывая лица кафтанами. Кафтан распаивается, и вы видите красивое, черноглазое лицо, не то еврейского, не то грузинского типа. Вот на минарете закричал муэдзин, — и проходившие по улице татары присаживаются на тумбы и молятся. Вот тянется караван верблюдов, гнедых, рыжих, желтых, белых, двугорбых и одnogорбых. Вот где-то на дворе орет, как зарезанный, ишак, интимный друг бухарца. Вот верховые киргизы, показывая свое молодечество, мчатся во весь опор по улице: впереди желтолицый

славный мальчуган, богато одетый, сытный, улыбающийся, сын какого-нибудь богача волостного управителя, а по бокам звероподобные хари его дядек. В гостином дворе торгуют бухарцы, хивинцы и сарты. На меновом продают товары уж вовсе диковинные: киргизские кибитки, киргизские котлы в виде полушарий, татарские кувшины с длинными горлами, пестрые, точно изразцовые сундуки, живых соколов... Где в другом месте вы всё это увидите, кроме зверинцев и этнографических выставок за деньги! А тут вам выставка ежедневно и даром.

Где вы увидите процессию киргизских мальчуганов учительской школы, чинно отправляющуюся на прогулку, учеников гимназии, уезжающих в родной аул в отпуск верхом на верблюде, татар в халатах и бухарцев, с целым бараном на голове, в первых рядах кресел театра, киргизку с желтым лицом и белоснежным платком на голове в ложе, мечеть на дворе губернаторского дома, завешанную таратайку с гаремными дамами, учителя духовной семинарии и муллу, диспутирующих о том, что есть промысл и что — предопределение? Нигде, кроме Оренбурга.

Не хулите Оренбург. Это хороший и интересный город. Правда, прошлой зимой он приуныл. Было холодно, голодно, бедно; на базарах было безлюдье; в трактирах тишина. Правда, летом было еще хуже — холера. Но голод и болезни миновались, и Оренбург ожил. Мужички и казачьи подводы везут хлеб; киргизские верблюды, сытые и веселые, несут просо; дорога к вокзалу в конец испорчена хлебными обозами; на базарах бойкие крики и толкотня; в гостином дворе порусски, татарски, башкирски и киргизски заывают в лавки покупателей. В лавках аршины работают неутомимо, отмеривая ситцы, кумачи и коленкоры. По-видимому, все разжились, даже наш брат переселенец. Иду как-то мимо толчка, смотрю — оттуда бежит знакомец из «обратных», в прошлом году в самом нищем виде зимовавший в переселенческом доме, — бежит и подмышкой тащит зеркало.

— Украл? — спрашиваю.

— Какое! купи-и-л!! — отвечает с гордостью.

— Стало, деньги есть?

— Заработанные! купил — пусть баба поглядится.

Посмотрел я на зеркало, — отражает лицо осмиугольным.

— Неладно что-то, — говорю я.

— Какая баба, тако и зеркало, — отвечает, и счастлив.

Ну и слава Богу: Оренбург светел.

ОРЕНБУРГ ТЁМНЫЙ

Прошлый раз я изобразил светлые стороны Оренбурга, теперь черед за темными.

Прежде всего, Оренбург темен потому, что у него мало фонарей, — не на физиономиях обывателей и обывательниц низших классов (этих даже слишком много), а на улицах. Фонарей мало числом и затем они скупы. Оправдывают фонари свою скудость тем, что шельма луна опаздывает против календаря. Календарь говорит, что луна должна светить, — фонарей и не зажигают. А луна возьми, да и опоздай на целый час. Ничего не поделаешь: с луной не драться.

Темную сторону составляют и тротуары. В большой части нашей маленькой столицы их совсем нет, и это хорошо, ибо не вызывает никаких недоразумений. Хуже на тех улицах, где тротуары существуют лишь номинально. Доверившись им ночью, вы рискуете в лучшем случае выпачкаться в грязи и прикусить себе язык, в худшем, но вполне возможном, вывихнуть ногу. Даже на Большой улице, и там местами тротуар совсем прерывается, а местами выложен выбитыми плитами. Черт бы их побрал эти выбитые плиты! Летом, после дождя, они представляют собою ряд лоханок с водой. Извольте идти, ступая на края лоханок. Это отдаленно напоминает танец мечей.

Третья темная, даже темнейшая сторона — отсутствие мостовых и кое-где присутствие их, но совершенно равнокачественное отсутствию. Эта мудреная штука, т.е. присутствие равно отсутствию, произошла по той причине, что мощеные улицы никогда не метутся, и камень

погребен под толстым слоем пыли. Что скверно, то скверно. Наши мостовые единственная причина невероятных пыльных буранов. Если я вижу у кого-нибудь книги и бумаги, в которые вьелась тончайшая пыль, я наверно знаю, что их хозяин или путешествовал в Сахаре, или жил в Оренбурге. В других местах такой пыли нигде нет. Один живописец, гостивший прошлым летом в Оренбурге, проклял оренбургскую пыль. Написал он вид с Маяцкой горы, вид в ясный день, с прозрачным воздухом, с голубым небом, с зеленым лесом, и поставил картину сохнуть. На грех случился буран, и через сутки, несмотря на то, что и окна и двери были плотно закрыты, пейзаж превратился Бог знает во что. Солнце скрылось, трава побурела, воздух стал темножелтый. Живописец был в совершенном отчаянии и не знал, что делать.

— Да назовите вы вашу картину: «Буран на Маяке», — посоветовал я ему.

Только этим и утешился бедный живописец.

Скажите, пожалуйста, отчего Оренбург не устроит сносных мостовых, тротуаров и фонарей? Так ли он беден, или так ленив, или пыль не ест ему глаза; а вывихивать ноги на тротуарах вошло в привычку, а может быть, даже и в потребность? Право, можно подумать, что это потребность, что у Оренбурга такие странные вкусы. Например, разве можно было устраивать театр — в манеже! Ни разу я не выходил из театра без головной боли и без озноба, который овладевает человеком, после того как он долго пробыл в сыром и затхлом погребке. Сыро, дурно пахнет, отсутствие вентиляции. Опытные люди говорят, что нужно в антрактах пить водку, — тогда ничего. Помилуйте, не всякий же пьет водку. Иной пьет коньяк, а коньяк нынче кусается.

Внутренний вид театра наводит уныние, а ведь это запрещено: при императоре Павле I как-то уволили в отставку офицера за его «уныние наводящий» вид. Потертые кресла, грязный потолок, грязная бумага, которую оклеены барьеры ложь, раёк, подобный кабаку, наконец,

публика райка, ведущая себя чересчур по-домашнему. Эта публика тоже одна из темных сторон Оренбурга. В первом акте она шелкает орехи и лушит подсолнухи. Антракт, — и идут пить пиво и очищенную. Во время второго акта кто-то кого-то ушипнул, и кто-то слегка взвизгнул. Антракт — и снова пиво и водка. На самом интересном месте третьего акта, когда г-жа Строгова умирает, или г-жа Лучинина пускает из своих хорошеньких глазок ракету, в райке начинается крупный разговор.

— Извольте уйти.

— Я за место заплатил.

— Вы пьяны.

— На свои деньги.

— Уходите.

— Айда, брат, проваливай.

За сим слышны звуки борьбы, топот, и кого-то выдворяют в силу административного распоряжения.

Снова антракт — и снова водка и пиво. В четвертом акте, когда г. Корсаков плачет над трупом жены, или г. Дьяконов убивает мачеху, раек начинает комментировать происходящее на сцене.

Паф! — стреляет г. Дьяконов в мачеху.

— Так ей, шельме! — гремит из райка сильный бас.

За этим слышится разъяренный шепот, по-видимому, тоже административного происхождения, ответ баса: «не уйду», снова звуки борьбы и снова выдворение. Сценическая иллюзия нарушена, внимание жителей развлечено; г. Дьяконов, с дымящимся пистолетом в руке, невольно косится на раек, и даже убитая мачеха, обеспокоенная в своем мертвом сне происходящим, полукоткрывает один глаз и смотрит на суету мирскую в галерке. Лучшим средством предупредить такого рода «инциденты» было бы запрещение спиртных напитков в буфете галереи. Хотя... хотя тогда жители начнут приносить водку с собой в карманах.

Тут мы прямо пришли к вопросу о том, улучшаются нравы путем внутреннего перевоспитания человека или же посредством внешнего давления. Вопрос важный и трудный. Этот вопрос искони веков де-

лит мыслящее человечество на два противных лагеря. Искони веков либералы говорили: продавайте в райке водку, но предупреждайте, что напиваться гнусно; а консерваторы проповедывали: воспретите продажу водки, но с тем, чтобы доходы буфетчика никоим образом не уменьшались. Искони же веков, по соображениям ли либерализма, водку не воспрещавшего, или по программе консерваторов, не хотевших обидеть буфетчика, водка в галерке продавалась и будет продаваться; так что вопрос о способах улучшения нравов, как вопрос неразрешимый, можно оставить в стороне и заняться оренбургскими нравами, какими, какие они у нас есть.

Ох, жестокие у нас нравы! Вот, в прошлом фельетоне мы с вами осудили Тулу и Орел за то, что там народ невидный, — а у нас-то он хоть и видный, да какой-то разбойный. Одни фамилии чего стоят: Клейменов, Разгильдяев, Убиенцев, Каторжнов! Я не выдумываю этих прозвищ, они существуют в действительности. Люди соответствуют прозвищам.

У меня за год переменилось четыре кухарки и три лакея. Начать с того, что ни у кого из них не было паспорта. Затем из четырех кухарок ни одна не жила со своим мужем, но зато все они жили с чу-

жими мужьями. Три из четырех обидели меня так безбожно, что я ни одной не мог продержат больше месяца. Первая из отправленных мною заключила союз мести с мужем второй кухарки, пьяницей и вором; и эта достойная пара прислала мне письмо, что если я немедленно не отправлю свою кухарку, то они вымажут ворота дома, где я живу, дегтем. Разумеется, это письмо было отправлено в полицию, и та обошлась с его авторами по заслугам. Муж оставил после этого преследование своей жены; но эта последняя, не чувствуя больше над собой дамоклова меча в виде супруга, стала так воровать, что ее отправили. Поступила третья кухарка. У этой был муж и два друга. Все трое по очереди колотили ее так, что она за утешением обратилась к четвертому, моему лакею, который стал колотить ее в свой черед. Баба крала сносно, готовила хорошо; с синяками являться было ей запрещено, и во время синяков заказы обедов делались ей через дверь; — и ее бы держали; но на сцене снова появился союз, да еще тройственный, союз мужа и двух друзей против неверной жены и третьего ее друга, — и в один прекрасный день выбито было в моей квартире окно. Пришлось отпра-

вить и кухарку и лакея. Четвертая кухарка и третий лакей выбирались долго и осмыслительно. Женатых и замужних решено было не брать.

— Муж есть?

— Помер от холеры.

— Побожись.

— Вй-богу.

— Скажи: лопни мои глаза.

— Да разлопни они.

— Ну, ступай на кухню.

То же приблизительно было и с лакеем.

— Женат?

— Так точно.

— Где жена?

— В Херсонской губернии.

— Врешь?

— Никак нет.

— Скажи: раздуй меня горой.

— Раздуй меня горой на этом месте.

— А ты взгляни-ка в зеркало: тебя раздуло.

— Это никак не возможно, — уверенно говорит лакей и спокойно подходит к зеркалу.

— Ну, вижу, что не врешь, ступай в педердную.

Что это такое, спрашиваю я вас? Где пускаются в ход такие приемы и где чувствуются такие опасения при найме прислуги, кроме нашего Оренбурга, с его жестокими нравами? Где вы увидите столько синяков и таких ярких цветов! А окошки били и дегтем мне угрожали только в Оренбурге, хотя я во многих городах перебивал. Припоминаются мне скачки прошлого лета. Скаковое общество истратилось на павильоны и на бесконечный забор ипподрома. Возместить расходы оно мечтало взиманием входной платы. Не тут-то было: оно забыло про «жестокость» нравов оренбургской толпы. Платить никто не хочет, но смотреть на скачки даром пришли и приехали тысячи. Подвезли к забору телеги; подставили лавки и скамьи — и смотрят, любят! Появились даже предприимчивые люди, которые отдавали скамейки внаймы, причем брали чуть ли не дороже входной платы. Разумеется, спортсмены наши обратились к полиции и казакам. Куда там! «Жестокая» толпа

чуть не бунт подняла, — появились палки, камни. Кончилось тем, что толпу оставили в покое.

По этому случаю я припомнил себе толпу парижскую, толпу культурную. Дело происходило в центре города против ратуши. На площади происходил смотр школьным батальонам, зрелище, на которое сошлись тысячи жителей. Толпе было объявлено, что никто не смеет сойти с тротуаров, окаймляющих площадь ратуши, — и не сошел ни один человек! Вы думаете, толпу отделили забором, рогатками, канатом, по крайней мере? Вы думаете, ее осаживали зады жандармских лошадей и цепь городских? Представьте, не только ничего подобного не было, но на многотысячную толпу было всего четыре городских, по одному на каждую сторону площади. И эти городские пускали в ход только одно устрашающее средство: сурово грозили пальцем тому, кто пытался не сойти с тротуара — это никому и в голову прийти не могло, — а перебежать по площади с места на место.

Конечно, нам далеко до такой культурности, но все-таки в Москве, в Петербурге, в какой-нибудь Туле и на прочих «старых местах» толпа больше уважает порядок, а следовательно, и самое себя, чем в наших киргиз-кайсацких и татаро-казацких палестинах.

Грубость и жестокость нравов не ограничиваются одной уличной толпой, а поднимаются выше. Наше мелкое чиновничество, увь! не далеко ушло от простонародья и не забыло ни синяков, ни дегтя, ни анонимных пасквилей, ни кулачной расправы. Наше купечество не брезгует торговыми присемами, более собственными бухарцам, хивинцам и татарам, чем православному коммерсанту. Подымаемся выше — ох, не ладно и тут! Наши «ученые» общества пусты, а клубы освещены до поздней ночи. Наш книжный магазин невелик, а обороты г.Аннаева завидно обширны. Слишком много карт, слишком много бутылок и слишком мало...

Но — поставим точку, вот она.

Переселенец

Иван Филиппович Рева родился в 1933 г. в городе Крапивце Сумской области, УССР. Окончил Всесоюзный заочный политехнический институт (Москва). Работал на железнодорожном транспорте, был зав. промышленно-транспортным отделом, и вторым секретарем Медногорского Горкома КПСС, председателем исполкома Медногорского горсовета. С 1988 г. по настоящее время — директор Государственного архива Оренбургской области. Член научно-методического Совета при комитете по межнациональным отношениям администрации Оренбургской области.

Иван Рева

Хранители

*Государственному архиву
Оренбургской области — 80 лет*

1 июня 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял Декрет о реорганизации и централизации архивного дела. Декрет юридически оформил передачу в руки народа документальных богатств, определил дальнейшие пути развития архивного строительства. Упразднились все архивы правительственных учреждений, документальные материалы дореволюционного и советского периодов передавались во вновь созданный Единый Государственный архивный фонд.

У нас в Оренбуржье архивное строительство стало государственным делом в сентябре 1919, когда на коллегии Оренбургского губернского отдела народного образования был решен вопрос о создании при нем отдела по делам архива. В последующие годы, в связи с изменением административно-территориального устройства, структура архивных учреждений претерпела ряд реорганизаций.

Поначалу губернский (в последствии областной) архив находился в ведении отдела народного образования, затем местных органов Советской власти; позже, в 1939-1961 гг., им ведали органы МВД. В конце 1961 г. архивные учреждения были вновь переданы местным органам Советской власти.

С 1934 г. во всех городах и районных центрах области начали образовываться городские и районные государственные архивы. 12 февраля 1959 г. исполнительный комитет Оренбургского областного Совета народных депутатов трудящихся принял решение «Об организации архивного дела в Оренбургской области». Согласно этому решению, городские архивы Бугуруслана, Бузулука и Орска преобразовывались в филиалы областного архива, а районный архив Новотроицка — в городской архив. Была утверждена и до настоящего времени действует следу-

ющая структура государственных архивов Оренбургской области:

— Государственный архив Оренбургской области и его филиалы в городах Бугуруслане, Бузулуке и Орске с постоянным составом документальных материалов;

— 49 районных и городских государственных архивов с переменным составом документальных материалов.

Большие трудности приходилось преодолевать тем, кто закладывал основы архивного дела в Оренбуржье. Отсутствовали необходимые помещения, не доставало средств и специалистов. Работали в холодных подвалах, собирали документы по чердакам и сараям, на себе свозили их в архив. В годы Великой Отечественной войны наши архивисты хранили свыше трех миллионов дел, эвакуированных в нашу область из основных архивов Москвы, Ленинграда, Прибалтики, Украины. Неоценимый личный вклад в сбор документов, обеспечение их сохранности, в совершенствовании архивного строительства, в Оренбуржье внесли Яков Кузьмич Жуков, участник боев за освобождение Оренбурга от белогвардейцев, трудившийся в облгосархиве с 1932 по 1960 гг., и бывший заведующий архивным отделом облисполкома Прокопий Корнеевич Десятерик проработавший в архивных учреждениях области более 35 лет.

Сегодня Государственный архив Оренбургской области — один из крупнейших на Урале. В нем хранится около 800 тысяч дел на бумажной основе, восемь тысяч фотодокументов, четыре миллиона кадров микрофильмов страхового фонда. Научно-справочная библиотека располагает почти 30 тысячами книг, журналов, подшивок газет. Среди ценнейших исторических материалов — документы, освещающие события крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева, деятельность декабристов, выдающихся ученых, военачальников, писателей, историков, географов — всех тех, чья жизнь была связана с нашим краем. Особо сберегается уникальный

документальный памятник: Привилегия городу Оренбургу, подписанная императрицей Анной Иоанновной в 1734 г.

Наши богатейшие фонды всегда привлекали внимание ученых, писателей, историков, краеведов, работать с ними приезжают исследователи из Башкортостана, Татарстана, Екатеринбурга, Челябинска, других регионов России, и Казахстана. На основе наших архивных документов написаны и изданы сотни монографий, книг, брошюр, очерков, журнальных и газетных статей, защищено немало диссертаций.

С самого начала существования архива большое внимание уделяется вопросам использования архивных документов: организуются тематические выставки, проводятся теле- и радиопередачи, школьные уроки, Дни открытых дверей, сотрудники принимают активное участие в подготовке и проведении различных юбилейных торжеств.

В последние годы в целях развития архивного дела в России принят ряд законодательных актов. Главный из них — Основы Законодательства Российской Федерации «Об Архивном фонде Российской Федерации и архивах» (1993). У нас в области в 1995 г. принят Закон «Об Архивном фонде и архивах Оренбургской области», регулирующий отношения в системе формирования, хранения и учета архивных материалов фондов и обеспечивающий их всестороннее использование в интересах граждан, общества и государства.

С этой же целью проводится большая работа по рассекречиванию документов. Например, с 1988 г. по 1 июня 1999 г. снято ограничение на использование около 69 тысяч дел, теперь они свободно выдаются исследователям, по ним исполняются запросы репрессированных граждан. Кстати, в последние годы поток запросов социально-правового характера резко возрос. Если восемьдесят лет назад в архив поступало 800-900 запросов в год, то в 1998 г. число их достигло 2700 (из них 1287 запросов — по раскулачиванию).

Государственный архив области укомплектован высококвалифицированными кадрами. Из 42 человек основного производственного персонала почти половина имеют законченное высшее образование, а семь — специальное, историко-архивное. Хорошо работают, пользуются заслуженным уважением в коллективе Валентина Петровна Мешкова, Ольга Семеновна Забавко, Татьяна Владимировна Судоргина, Кира Григорьевна Биркенгоф, Наталья Владимировна Большакова, Евгения Михайловна Федосова, Вера Николаевна Калашникова, Антонина Алексеевна Верещагина, Изабелла Ильинична Базарская, Елена Владимировна Гаскова, Нина Петровна Кустова.

В общем, сделано за 80 лет немало. Однако трудностей не убавилось, напротив, возникли такие, о каких в нормальном государстве государственному же учреждению вроде бы и поминать неприлично... По-прежнему чрезвычайно слаба материально-техническая база. Архивохранилища размещены в зданиях дореволюционной постройки, и они уже «под завязку» заполнены архивными материалами, так что из-за отсутствия помещений мы вынуждены прекратить прием документов. Прекращено и создание страхового фонда (копирование наиболее ценных документов) из-за отсутствия фотопленки. Нет современной техники — множительной, компьютерной, — следовательно, нет возможности работать на современном уровне, все выполняется вручную. Протекает крыша,

давно пора ремонтировать центральное отопление, требуются особые сорта клея, бумаги, картона, тканей для реставрации дел, а денег на это нет...

Кроме всего прочего, у архивистов крайне низкая заработная плата.

В настоящее время во многих областях России работники архивов России отнесены к государственным служащим. Отнесены к государственным служащим и работники районных и городских государственных архивов Оренбургской области — путем преобразования архивов в архивные отделы администраций городов и районов области. И только два областных государственных архива — Государственный архив Оренбургской области с филиалами в Бузулуке, Бугуруслане, Орске и Центр документации новейшей истории — являются в этом плане исключениями. А ведь именно в них находится на хранении около 80 процентов дел от всего Архивного фонда Оренбургской области. Мы понимаем сложности экономического положения страны и области, но все же считаем, что если работники районных и городских архивов Оренбургской области включены в систему государственной архивной службы, то и работники областных архивов Оренбургской области не должны находиться вне ее.

Для решения всех этих проблем требуется конкретная помощь администрации Оренбургской области, администраций в гг. Бузулуке, Бугуруслане и Орске.

Доклад

Оренбургского Комитета
24-го июля 1859 года.

г. Оренбург

Содержание
о состоянии
Комитета

Иркутск

В прошедшем году, при отъезде
Вашего Превосходительства в Петер-
бург, я имел честь доложить, что
при Оренбургском Ордонанс-Палате седе-
лаю. Врешни состоит общий Орден, в
который все дела до такой степени пере-
множились, что решительно нельзя при-
вести в какой-нибудь порядок, и хотя
они сии в столицу и переплетены,
но это собственно для одного вида.

Сколько я мог узнать путешествуя
эта сфера всего более покойными
Иркутскими, когда они были допущены
в сии Орден для увеличения сво-
дений и действий Иркутск.

Для приведения в возможный поря-
док хранящихся в этом Ордене
дел, я прошу Ваше Превосходитель-
ство: не изволит ли приказать возмоз-
нчить приказать составить особую Ком-
миссию, под председательством кого-ли
до из столицы при особе Вашей
Комиссии, с тем, чтобы отобрать

действительно нужные и составить лишь отписки, прочие отбрасывать для уничтожения и как там так и другие представить подробные отписки, каковых нынче во-всё не имеется!

Ваше Превосходительство изволил прика-
зать много напомнить Василью об этомъ въ на-
шнихъ письмахъ, вѣроятно же и мною лично
испрашиваю Василею на это приказанія по-
тщательнѣе доклавывая, что Комендант
кое Управленіе не имѣетъ возможности ни как
возможности заняться приведеніемъ въ поряд-
окъ общаго Архива, ибо Планы и Документы
заняты, въ буквальномъ смысле, ежедневно о
цѣпѣ до ногъ, о недостаткѣ же писарей и
мои предшественники такъ и я не однократно
доносилъ Вашему Превосходительству.

Генералъ-Мейеръ Визингъ

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

ДЕПАРТАМЕНТЪ
ОБЩИХЪ ДѢЛЪ.

БУХГАЛТЕРСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

Ст. 104.

12 Октября 1877

№ 31150

Господиному Оренбургскому
Губернатору.

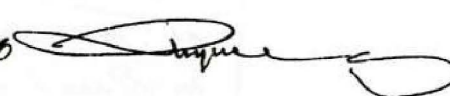
Департаментъ Общихъ
Дѣлъ имѣетъ честь уведомить
Ваше Превосходительство, что,
согласно приказанію Г. Министра,
повѣдовавшему на основаніи
Вашего утвержденнаго 14 Марта
1868 г. списка Государственныхъ
Соборна, вѣдѣнія съ списка Елиза-
ветъ по разсрѣженію объ откупѣ
по Ст. 1 статьи расходовъ Ми-
нистерства 1877 г. на Оренбур-
скую Казенную Псалму, въ ва-
рдніе Ваше, пріята въ шест-
отъ выдвѣтъ пять руб., на-
тѣртіе расходы по разбору ар-
хивныхъ книгъ Оренбургскаго Губер-
нскаго Правленія.

Директоръ Мининъ

Министерскія Отдѣленія 10105

Объявление

Оренбургское Губернское Правление согласно постановлению своего высочайшего числа село Маргита назначило аукционной продажей на 21 число сего же Маргита высочайшего по полудни, напродажу старинных архивных дел, которые будут продаваться напродажу в присутствии Губернского Правления. Маргита 21 дня 1890.

Вице-Губернатор

и. д. Старшего Советника В. Анурьев

Уполномоченный

ЖУРНАЛЪ

Оренбургской Городской Думы

15 июня 1890 года.

Въ заседании присутствовало 26 гласныхъ

Подъ председательствомъ Городского Головы

Слушавши доклад Городской Управы отъ 15 июня, № 15. Изъ этого доклада видно, что Архивариусъ Городской Управы Машиковенки, рапортосиль на имя Г. Городского Головы доносить, что онъ, рапортовавъ хранящиеся въ Архивъ дела, книги и бумаги, начавъ въ 1818 года, коифь вкаивалось, дѣль, книги и переписки, внесенныя въ общую архивную

№ 150

№ 150

Г. Голова
№ 403. Г. Голова

описъ, 13142. Изъ лица хранящихся въ архивъ дѣлъ и переписокъ многія подлежатъ, за давностію времени, на основаніи закона и циркулярнаго предписанія 2. Министра внутреннихъ дѣлъ отъ 9. Сентября, 1862 года, за № 189, именной въ указавш. Оренбургскаго губернскаго Правленія отъ 27. Апрѣля и 26. Ноября, 1863 г. за № 4704, 13047 и 13075, уничтоженія въ томъ, что бы принято было за правило, архивныя дѣла уничтожать не прежде истечения 10 летъ, со дня рѣшенія ихъ, и согласно того же циркулярна 2. Министра, за № 189, не должны подлежать уничтоженію, а всегда оставаться для храненія въ архивѣ дѣла поименованныя въ циркулярѣ 2. Министра.

При чемъ дополнить, что дѣла подлежащія храненію лишь почти все разобраны по категоріямъ, такъ, что входящія и исходящія журналы подобраны съ 1870 года, дѣла владѣльни, больницы откупленіи каждаго особа, со дня ихъ требованія до настоящаго времени, книги о денежной суммѣ съ докупками откупныхъ каждогодно, особа купеческія капиталы съ 1855 по 1872 годъ откуплены также особа, такъ что изъ лица напечатаннаго, баптианскаго въ описъ 13142 дѣлъ, остались не рассортированы дана инвентарныя о выданіи плановъ, такъ какъ изъ нихъ часть должна расслатся по принадлежности, а часть, ежели принадлежитъ Комиссіи, подлежитъ къ уничтоженію.

Справка: Изъ лица 13142 дѣлъ, хранящихся въ архивной описи, по постановленіямъ Городской Управы, отправлено: 15. Сентября, 1889 года 22 дѣла, о разрѣшеніи построекъ, въ Самарскую Городскую Управу, - 18. Сентября, того же года, въ Орскую Городскую Управу 29 дѣлъ, по тому же предмету, - 19. Сентября въ Уфимскую Городскую

Управу 10 дѣлъ и въ Бузувскую Городскую Управу 6 дѣлъ, 20. Сентября въ Мензлинскую Городскую Управу 2 дѣла, въ Троицкую Городскую Управу 4 дѣла и 4. Сентября, въ Симбирскую Городскую Комиссарское Управление 12 дѣлъ, по разнымъ предметамъ, касающихся Комиссарской части, а всего отправлено дѣлъ 200.

Всего: Ст. 13 Город. поном. и пришло къ ней.

По вступленіи именованнаго Городскаго Управы, вполнѣ разрѣшенію податнаго Городскаго Архивариуса Мамытосева, въ отношеніи разбора дѣлъ Комиссіи и распределенія ихъ къ храненію на всегда, а некоторыя къ уничтоженію, полагала бы пригласить въ составъ Комиссіи болѣе опытныхъ людей, для тщательнаго, согласно указаній закона, осмотра и разбора оставшихся, за отправленіемъ, архивныхъ дѣлъ, на каковой предметъ и ассигновать до 200 руб., каковыми дѣлами могли бы съ четвертью сентября 22. Игнатовичъ и Порошевъ Антоимовичъ и еще кто либо, по указанію Городской Управы, но не приводя его въ исполненіе, опредѣляетъ: объ извѣщеніи Комиссіи допустить Городской Думой на предметъ назначенія Комиссіи для разбора архивныхъ дѣлъ и распределенія, на производствѣ этого дѣла расхода въ поименной суммѣ.

По извѣщенію настоящаго доклада Городская Дума опредѣлила: Архивъ Городской Управы хранить, а для помѣщенія онаго поручается Городской Управѣ снять одну свободную мавку въ восточномъ дворѣ прииспособивъ ее для помѣщенія архивныхъ дѣлъ, подше

указаний же на это расход употребить их ввиду
строительной суммы, назначенной по смете
на ремонт городских зданий.

Городской Голова с ~~подпись~~

Гласный Дунин Миколаевич
с ~~подпись~~ ~~подпись~~
Фоминский

Ф. Савин

Н. Степанов

Не подписаны

А. Карпов

В. М. Давыдов

~~подпись~~

М. М. Савинский

В. Морозов

В. Иванов

А. Ефимов

М. Иванов

~~подпись~~

Г. Гаврилов

~~подпись~~

~~подпись~~

~~подпись~~

И. Савин

А. Владимиров

С. Буваров

~~подпись~~

М. Шаронов

Губернская Ученая Оценочная
Ученая Архивная Комиссия

Имя Отчества и Фамилия	За какой год назначен				Место работы
	1914	1915	1916	1917	
Гаврилов А. П. Николаевич					профессор Кешенский Университета
Гаврилов-Заматский Николай Викторович					
Гаврилов-Подрабатский Александр Николаевич	3	3	3		прасек. работы Кешен. ун. сиб. губ.
Десняков Антон Иванович	3				от. Кашинский от. М. г.
Дубовикова Николай Васильевич	3	3			Кешен. ун. сиб. губ.
Думев Александр Иванович	3	3			Ведущий оценочный Кешен. ун. сиб. губ.
Дюков Николай Николаевич	3	3			Проводник работ содом. губ.
Дунин Александр Гаврилович с 1916 г.					В. Гаврилов Кешен. ун. сиб. губ. Справка о работе
Дубовикова Владимир Александрович	3	3	3		Ведущий оценочный Кешен. ун. сиб. губ.
Дубовикова Венедикт Александрович	3	3	3	3	Кешенский Университет

Юрий Зобов,
профессор кафедры истории России
Оренбургского государственного
педагогического университета

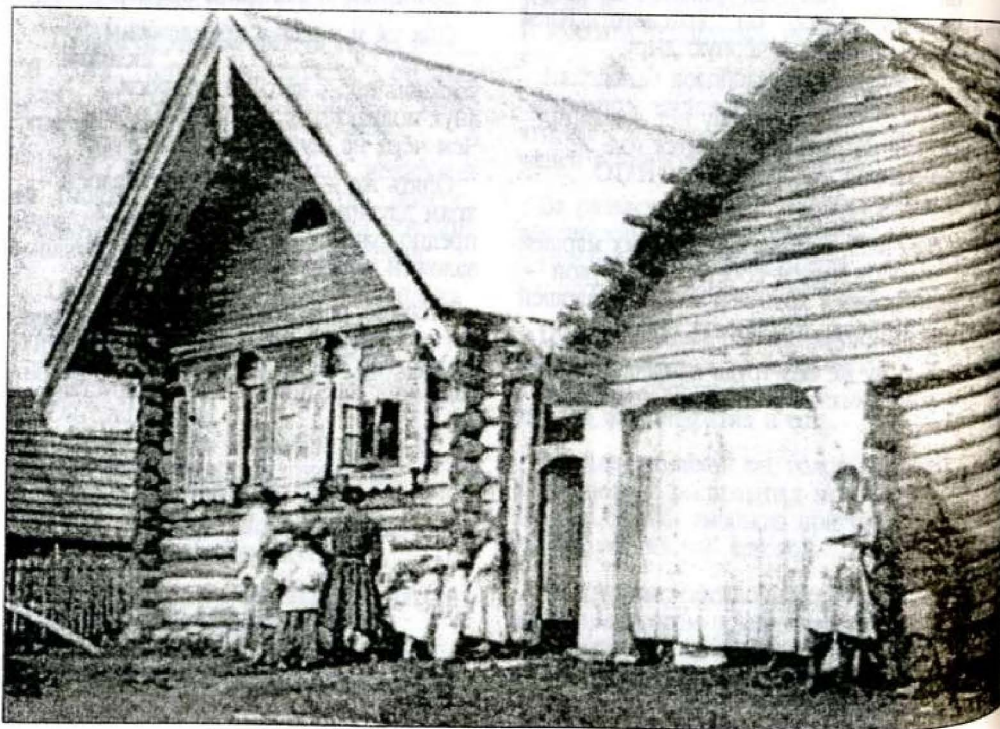
Народы «Новой России»

Из истории этнографических
исследований в Оренбургском крае
в XIX — начале XX веков

Этническая картина Оренбургского края, охватывавшего обширные пространства Заволжья и Южного Приуралья, складывалась на протяжении долгого времени и окончательно определилась во второй половине XVIII и первой половине XIX вв. в ходе интенсивного заселения многонациональными по своему составу «переходцами», устремлявшимися из различных губерний страны

на свободные, малозаселенные земли «Новой России».

В результате здесь сформировались три крупных этно-культурных общности: славянская, тюркская и финно-угорская, образовавшие пеструю мозаику национального состава населения. По данным современника (В. М. Черемшанского), в середине XIX в. в Оренбургской губернии русских (с украинцами) на-

считывалось 1 млн. 99 тыс. человек, не считая Оренбургского казачьего войска, состоявшего преимущественно из русских. Башкир было 444 тыс., тептярей — 196 тыс., мещеряков — 98 тыс., татар — 98 тыс., мордвы — 77 тыс., чувашей — 58 тыс., черемисов — 38 тыс., вотяков — 18 тыс. и т.д.¹⁾

Первым, кто обратил внимание на этнический состав населения Оренбургского края, был **Петр Иванович Рычков**. В своем главном труде «Топография Оренбургская» (1762) он целый раздел посвятил описанию народов, населявших обширный край. Этнографические материалы широко использованы ими в «Лексиконе Оренбургской губернии», оставшемся, к сожалению, до сих пор не опубликованным. Ряд работ его посвящен истории и этнографии отдельных народов: «Опыт Казанской истории древних и средних времен», «Краткое известие о татарах...», «Краткий экстракт о башкирском народе», «О причинах удаления из России калмыков», «Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе» и др. Эти работы носили не чисто этнографический, а смешанный историко-этнографический характер, что вполне соответствовало уровню научных трудов того времени.²⁾

После смерти Рычкова историческими и этнографическими исследованиями в Оренбургском крае никто практически не занимался. Лишь в 20-е годы XIX в. возрождается интерес к этой проблематике. Крупным научным событием стал труд русского ученого и государственного деятеля **Алексея Ираклиевича Левшина** (1799-1879) «Описание киргиз-кайсацких орд и степей», изданный в трех частях в 1832 г. в Петербурге. В этом фундаментальном историко-этнографическом исследовании впервые в отечественной науке было предпринято специальное изучение казахского народа. Первая часть работы включает физико-географическую характеристику Казахстана: описания ландшафта, климата, растительного и животного мира степей. Вторая посвящена истории казахского

Русская девушка
в старинном уборе

народа с древнейших времен до начала XIX в. Автор рассматривает проблемы этногенеза казахов, их взаимоотношений с башкирами, калмыками, народами Средней Азии. Описывается история присоединения казахских жузов к России. Третья часть содержит этнографическое описание казахского народа: хозяйство, образ жизни, социальные и семейные отношения, материальная и духовная культура.

Три года (1820-1822) ученый прожил в Оренбурге, прикомандированный к Оренбургской пограничной комиссии. Он часто выезжал в казахскую степь для непосредственных контактов и наблюдений за объектом научного исследования, работал в архиве, разбирая «казахские» дела.

Труд А. И. Левшина сразу же привлек внимание отечественной и мировой научной общности и получил высокую оценку специалистов³⁾. Казахский ученый и просветитель **Чохан Валиханов** метко назвал Левшина «геродотом казахского народа».

Старообрядец

В 20-е годы XIX в. в Оренбурге трудился талантливый литератор и деятель освободительного движения **Петр Михайлович Кудряшев** (1797-1827). Его называли «певцом картинной Башкирии, быстрого Урала и беспредельных степей киргиз-кайсацких». И это вполне заслуженно: ведь историко-этнографические сюжеты были ведущими в творчестве П. М. Кудряшева. Его перу принадлежит и оставшееся в рукописи этнографическое описание башкир (повести «Абд-ряш», «Кучук-Галий», «Искак», «Даржа», «Киргизский пленник» и др.), где содержится материал о их религии, быте, просвещении и т. п. Он настойчиво изучал устное народное творчество русских, башкир, казахов, их говоры, наречья, предания, обычаи, нравы, обряды и суеверия). В статье «Простонародные слова, употребляемые в Оренбургской губернии» автор отмечает наличие в русском языке слов и выражений башкирского, татарского и казахского происхождения. Кудряшев собрал, перевел на русский язык и опубликовал несколь-

ко героических и эпических песен башкирского народа, воспевающих отвагу и патриотизм башкирских батыров в Отечественной войне 1812 года и других войнах, написал статью «Предрассудки и суеверия башкирцев»).

Оказавшийся волею судьбы в Оренбурге (в течение восьми лет, с 1833 по 1841 г. служивший чиновником особых поручений при военном губернаторе) **Владимир Иванович Даль** проявлял живой интерес к историческому прошлому и этнографии народов Оренбургского края. Он собирал произведения устного творчества русских, башкир, казахов, уральских казаков и др., пополняя словарный фонд для составления своего «Толкового словаря живого великорусского языка»⁶⁾. Ценными этнографическими наблюдениями насыщены его прозаические произведения «Бикей и Мауляна», «Башкирская русалка». Недавно обнаружены считавшиеся уничтоженными «Оренбургские записки» В.И.Даля, в которых содержатся материалы историко-этнографического характера об уральских казаках, башкирах, казахах.

При военных губернаторах Г. С. Волконском, П. К. Эссене, П. П. Сухтеленe и В. А. Перовском в течение двадцати лет служил «по части пограничной в канцелярии главных начальников Оренбургского края» **Илья Михайлович Казанцев**, оставивший работы по этнографии башкир и казахов. Он, «зная лично киргизских ханов Ширгази и Джангера, многих султанов-правителей и других начальствующих лиц, имел случай собрать сведения и составить описание о башкирцах, киргиз-кайсаках и хивинцах с 9-ю приложениями»⁷⁾. Эти работы были в 1852 г. переданы в Русское Географическое Общество для опубликования. В 1867 г. издан был в Петербурге труд о казахах, а интересное «Описание башкирцев» публиковалось в 1850 г. на страницах неофициальной части газеты «Оренбургские губернские ведомости» (в 1866 г. вышедшее в Петербурге отдельным изданием). Печатались свои историко-этнографические работы И.М.Казан-

цев начал еще в 30-е гг. XIX в. В 1838-39 гг. в «Санкт-Петербургских ведомостях» увидели свет его статьи «О киргизах Западной и Средней частей, называемых Оренбургскими и Зауральскими» (1839, №№ 16-18), «О киргизах Восточной Орды» (1838, №№ 80-81), «О внутренних или букеевских киргизах» (там же).

В 1859 г. в Уфе было издано обстоятельное «Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении». Как видно уже из заголовка, этот труд носил комплексный экономико-статистический и историко-этнографический характер. Его автором был преподаватель местной духовной семинарии **Василий Макарович Черемшанский** (1821-1868). Книга, созданная им в связи с объявленным Министерством государственных имуществ конкурсом на лучшее хозяйственно-статистическое описание губерний, стала главным делом его непродолжительной жизни. Автор отмечал во введении, что подготовил описание не рядовой, а особенной губернии, «столь замечательной по своей обширности, по неисчерпаемым естественным богатствам и разноплеменности обитателей». Сочинение Черемшанского, удостоенное золотой медали Ученого комитета Министерства государственных имуществ, стало весомым вкладом в исследование Оренбургского края.

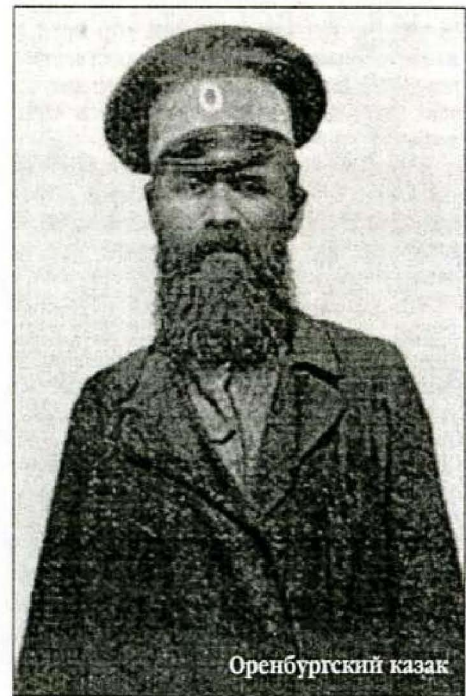
В книге излагалась краткая история Оренбургского края, описывались его географическое положение, природные условия, народонаселение, экономика, земледелие, луговое хозяйство, огородничество, скотоводство, торговля, промышленность, промыслы, доходы губернии, и сообщения...⁸⁾.

Таким образом, сочинение Черемшанского имело сложное, многоплановое содержание, носило во многом энциклопедически-справочный характер.

Значительную часть ее составляло этнографическое описание населения края, озаглавленное «Разделение жителей по племенам».

Здесь, впервые в литературе об Оренбургском крае автор привел сведения о разделении жителей по вероисповеданиям и по национальному составу. Дав общую демографическую характеристику губернии, Черемшанский переходит к этнографическому описанию «по племенам».

Описание начинается с «турецко-татарского племени», к которому отнесены башкиры, мещеряки, тептяри, татары и чуваша. Самое большое здесь место (30 страниц) отведено башкирам — древним, коренным обитателям края. Причем этнографический материал о них дается в историческом аспекте, включая проблему этногенеза. Рассматривая происхождение башкир, автор подчеркивает, что среди башкир есть выходцы из других народов: татар, ногайцев, киргизов (казахов), турок, персиян и др. Интересные факты и детали приводятся о вооружении, военном костюме башкир, их физическом и нравственном развитии, вероисповедании,

Оренбургский казак

нравственных качествах, пище, одежде, обычаях, увеселениях, песнях, музыкальных инструментах, свадебных, похоронных и иных обрядах. Очень ценно в научном отношении описание хозяйства башкир, их землевладения и землепользования, скотоводства, постепенного перехода башкир к оседлости и земледелию.

Примерно по такой же схеме, правда, с разной степенью полноты и обстоятельности, описывает Черемшанский и другие народности края, заметив, что все они, за исключением башкир, давние или недавние переселенцы. Наиболее ранними переселенцами он считает мещеряков (мишарей) и в целом верно объясняет их происхождение. По Черемшанскому, мещеряки — это «омусульманенная мещера, с давних пор проживающая на башкирской земле». Мещера — финно-угорского происхождения, названа в «Повести временных лет» как соседствующая с восточнославянскими племенами.

Сугубо этнографического описания мещеряков Черемшанский не дает, объяснив это тем, что они «по вере и нравственным качествам совершенно сходны с башкирцами». Отличие лишь в том, что они — «народ оседлый» и «земледельческий».

В отдельный раздел выделено этнографическое описание тептярей, хотя вряд ли это правомерно, ибо сам автор отмечает их разноэтничный состав: «это сброд разных племен».

Этнографическое описание татар и чувашей дано в сжатом, кратком виде. Видимо, автор считал, что этот вопрос был уже достаточно полно освещен в современной ему литературе.

Аналогичным образом, по той же схеме идет описание и населения, отнесенного автором к группе «В» — «финское племя»: черемисов (марийцев), вотяков (удмуртов) и мордвы. Далее идет раздел «С» — «русские», к которым отнесены «выходцы из Великой и Малой России». Дав краткий очерк переселения их на территорию края, автор излагает затем собственную этнографическую характе-

Башкирский мулла

ристику русских, подчеркивая, что они переселялись из разных краев нашего обширного отечества и поэтому «отличаются между собою и в нравах, и в обычаях, и в самом разговоре...», в одном и том же селении можно найти выходцев из нескольких губерний».

Верный своей традиции, Черемшанский и при описании русского населения сугубо этнографические моменты (одежда, пища, устройство селений, быт, обычаи, нравы, обряды и т.п.) дополняет сведениями (таблицами) о посевах и урожаях хлебов у разных сословных групп русского населения: помещиков и помещичьих, государственных, удельных крестьян.

В пореформенное время стал заметно нарастать интерес общественности к вопросам народознания, этнографического изучения многонационального населения великой страны. Этнографией стали заниматься уже не одиночки, как раньше, а целые кружки специалистов и краеведов-любителей, зачастую группировавшихся вокруг различных научных и научно-краеведческих обществ и объединений. С 1868 г. в губернии стал дей-

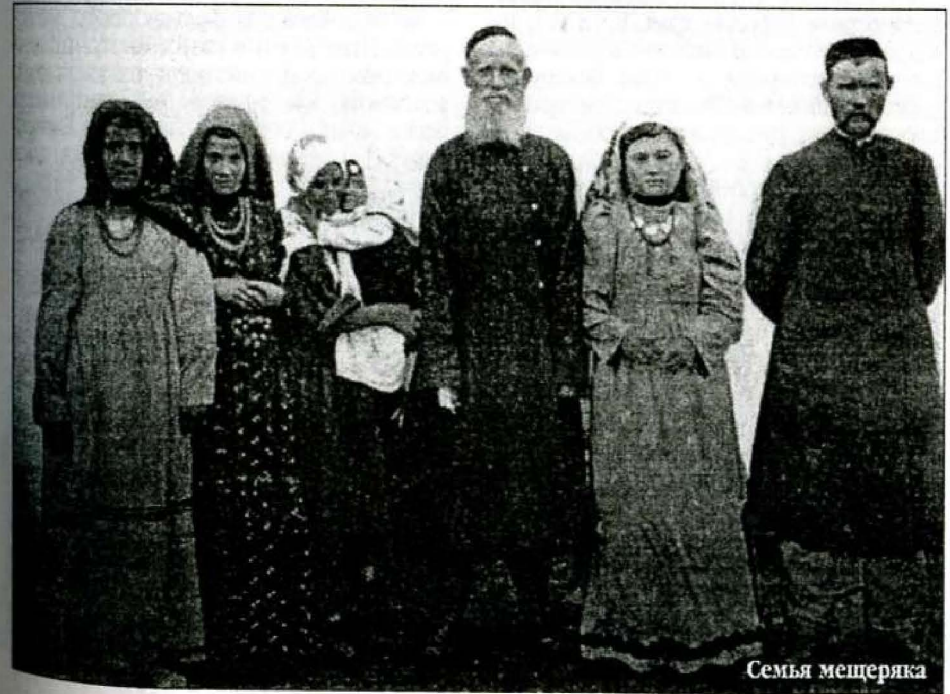
ствовать Оренбургский отдел Императорского Русского Географического Общества, в 1887 г. возникла Оренбургская Ученая Архивная Комиссия. Они проводили большую работу по организации естественнонаучных, исторических, этнографических и других исследований, систематически издавали сборники своих трудов».

В 60-х — первой половине 80-х годов в Оренбургском крае протекала исследовательская деятельность талантливого и необычайно деятельного краеведа **Руфа Гавриловича Игнатьева** (1818-1886¹⁰). Блестяще образованный, знавший европейские и восточные языки, он глубоко заинтересовался изучением Оренбургского края, его археологии, истории, этнографии. При этом Игнатьев исходил из понимания того, что, по его словам, «история Оренбургского края есть труд громадный, почтенный, важный не в местном одном отношении, но вообще для истории русской». По Оренбургской истории и

археологии он написал более 500 работ, намереваясь со временем создать сводный труд по истории края.

Краеведа интересовали и этнографические сюжеты. Уже при первом ознакомлении с краем Игнатьев был поражен богатством его исторического прошлого, обилием и разнообразием фольклорно-этнографического материала. Знание тюркских языков облегчало изучение башкир, татар, казахов, он легко разбирался в памятниках тюркской письменности, записывал татарский, башкирский, казахский фольклор, изучал устно-поэтическую и музыкальную культуру этих и других народов.

Заинтересовавшись изучением раскольников, Игнатьев, переодевшись крестьянином, пешком исходил все места губернии, где проживали раскольники, изучая их обычаи, бытовой уклад, фольклор. Итогом стало составленное им обстоятельное описание раскольничьего населения и карта расположения раскольничьих сект.

Семья мещеряка

Татарская девушка

Р. Г. Игнатьев интересовался песенным творчеством народов края. В 1879 г. на антропологической выставке в Москве он прочитал рефераты о песнях белорусов, переселившихся в Оренбургский край, а также песнях русского и татаро-башкирского населения. В «Записках» Оренбургского отдела Русского Географического Общества в 1875 г. была опубликована его интересная работа «Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах... магометан Оренбургского края». По убеждению исследователя, в основе фольклорных произведений лежит реальный исторический материал. Он писал: «Предания и песни дополняют все то, что не найдено в официальных актах. Песня-быль и предания, хотя и бывают преувеличены, но в них всегда скрывается суть правды». В работе «Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор» исследователь широко привлекал песни и предания для раскрытия образа национально-героя башкирского народа.

Использование фольклорного материала в качестве исторического источника характерно для многих работ Игнатьева. Так, в статье о руководителе башкирского восстания Карасакале он использовал легенды, предания и песни. В статье «Преосвященный Михаил, епископ Оренбургский и Уфимский», описывая старинные «чудские» курганы, он приводит такое народное предание: «В Челябинском уезде рассказывают предание о чудской царице Анне: она, будто бы, является в белой одежде с распущенными волосами и с младенцем на руках и является только одним женщинам, строго приказывая сказать мужьям, детям, братьям не раскапывать курганов ее народа... Все крестьяне этому верят и редко решаются раскапывать курганы, боясь гнева и мщения царицы». Насыщены историко-фольклорным материалом и его работы «Курганы в приуральских местах Оренбургской губернии», «Названия вод, урочищ и прочего, как памятники югров в Уфимской губернии», «Гора Аушкуль и озеро того же имени», «Канур-буга» и др.

Не обошелся без фольклорного материала Игнатьев и в своих многочисленных работах по истории пугачевского восстания. Он опубликовал, например, песню, якобы сочиненную самим Емельяном Пугачевым и начинающуюся словами:

*Как на камне соловей свистал,
свистал,
Горьку ягоду, калинушку, клевал...*

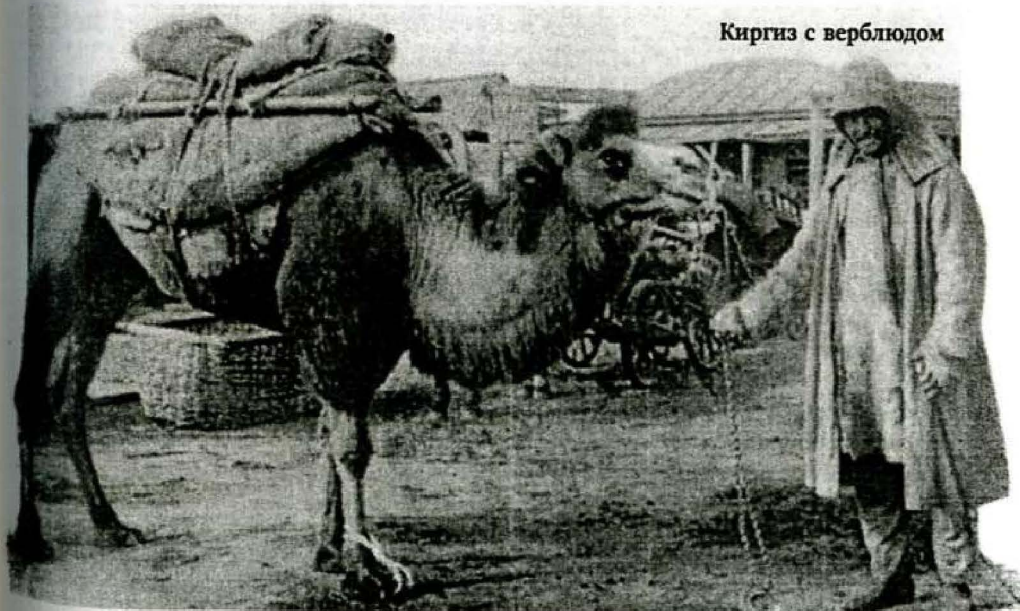
В планах исследователя было создание большой, сводной работы по этнографии народов Оренбургского края. Об этом свидетельствуют, в частности, «Этнографические очерки Оренбургского края», оставшиеся, к сожалению, неопубликованными.

Вслед за Игнатьевым в конце XIX — начале XX вв. изучением башкирского, татарского, тептярского фольклора занимался **Сергей Гаврилович Рыбаков** (1868-1921), окончивший историко-филологический факультет Петербургского университета и Петербургскую консерваторию. По заданию Русского Географического

Общества он в 1892 и 1893 гг. совершил этнографические поездки на Южный Урал для сбора народных песен, мелодий, легенд, сказок, пословиц, гаданий, суеверий и т.п. На основе собранного материала он написал обстоятельную статью «О народных песнях татар, башкир и тептярей», опубликованную в журнале «Живая старина» в 1894 г.

Подобные экспедиции продолжались и в другие годы. Участвовал в них брат Рыбакова Петр Гаврилович. В итоге на основе многолетних этнографических и фольклористических наблюдений и материалов ученый создал фундаментальный труд «Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта...», содержащий 204 мелодии с текстами и русским переводом. Он был издан Академией наук отдельной книгой в 1897 г. Труд С. Г. Рыбакова высоко оценили специалисты и широкая общественность. Главным его достоинством было то, что в нем умело сочетались этнографическое описание и музыкально-фольклорные материалы, характеризующие существенные черты менталитета, быта и обычаев исследуемых народностей¹²⁾.

Талантливым этнографом-фольклористом был **Семен Михайлович Пономарев** (1865-1889), происходивший из «пермских мещан», но родившийся и умерший в Оренбурге. За свою короткую, но яркую жизнь он успел потрудиться над изучением народного быта, этнографии и фольклора русских крестьян-переселенцев, башкир, казахов, других народов Приуралья, Среднего Поволжья и центральной России. Статьи Пономарева помещались в «Северном Вестнике», «Русских ведомостях», «Волжско-Камском Вестнике» и некоторых других изданиях. Он был избран членом-корреспондентом Статистического общества, состоящего при Московском университете, в члены Оренбургского отдела Русского Географического Общества¹³⁾. Много его материалов, результатов этнографических поисков и исследований, остались в рукописях и ныне хранятся в его личном фонде в Архиве РГО. Они содержат, в частности, записи под общим названием «Помещичья юриспруденция»: народные предания о жестокости помещиков времен крепостного права, о тяжелом положении помещичь-

Киргиз с верблюдом

их и заводских крестьян Оренбургской губернии.

С. М. Пономарев выступал и как публицист, печатая на страницах местных газет острые статьи о тяжелом положении крестьян-переселенцев, тысячами прибывавших тогда в Оренбургский край. Человек в высшей степени гуманный, добрый, с отзывчивой душой и мягким сердцем, он близко к сердцу принимал бедствия и тяготы переселенцев, призывал оказать им помощь. «Прошу поверить на слово, — писал он в 1887 году, — что нищета переселенцев ужасна и не поддастся никакому описанию... Взываем к христианской любви граждан и указываем, что помощь необходима. Помогите ребятам, добрые люди! Они страшно истомились, похудели и побледнели от недоедания»¹³).

Русское крестьянское население Оренбургской губернии было главным объектом изучения **Анания Павловича Кузнецова** (1866-1945). Выходец из крестьян села Подгородняя Покровка

(под Оренбургом), самоучка, он, познакомившись с С. М. Пономаревым, под его влиянием стал заниматься этнографическими исследованиями и наблюдениями и публиковаться в газете «Оренбургский листок» и других изданиях. Трудясь книгоношей, Кузнецов обошел почти всю Оренбургскую губернию и Уральскую область и имел возможность изучать быт крестьянского и казачьего населения. Он собирал народные песни, сказки, легенды, предания, пословицы, поговорки, описывал обычаи, обряды, суеверия. Всего Кузнецовым было собрано более 700 народных песен. Часть его этнографических материалов издал знаменитый фольклорист **П. В. Шейн** в книге «Великоросс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п.»

Для А. П. Кузнецова были характерны зоркая наблюдательность и яркий, точный и сочный язык его этнографических работ. «На Троицын день наши сельчуки затевали, писал он в «Оренбургс-

ком листке» (№ 26 за 1891 г.), — веселые песни и пускались плясать «камаринского», приговаривая:

*Ах, ты плут, шельмец,
Камаринский мужик...
Плут, шельмец мужик
По улице бежит.*

*Он в гармонику наяривает,
Красных девок уговаривает:
«Вы пожалуйте, красавицы, в лесок,
Там раздался соловьиный голосок...»*

Или этнографическая зарисовка «Капустинские вечера»: «Чтобы рубить и содлить капусту, устраиваются капустные посиделки. Их устраивают женщины. Они готовят еду, угощение, вино, приглашают посидельниц — на «помочь». Точат тяпки и ножи, моют кадушки, корыта, готовят вилки. Затем омывают руки, молятся богу и начинают работу, поднося вино перед рублением и соленьем капусты. После окончания работы устраивается застольная пирушка». И далее автор приводит тексты записанных им посидельческих песен русских крестьян Оренбургского уезда («Оренбургский листок», 1891, № 39). Очень любопытен этнографический очерк А. П. Кузнецова «Засидки», где описываются вечерние развлечения крестьян: мужские — лапотные, женские — кудельные, девичьи — чулочные посиделки («Оренбургский листок», 1891, № 40).

Публиковал этнограф и писатель-самоучка и свои стихи, причем нередко обличительного характера. Например, о селе Павловка Оренбургского уезда: «Село Павлово большое, разорено да худое. Отколь ни взгляни: взгляни с полночи с востока, взгляни спереди иль с бока — пустыри одни... Избы все, почесть, раскрыты, стекла в окнах перебиты...» «Это портрет большинства сел нашей губернии», — заключает автор. В другом стихотворении в духе Некрасова он писал о тяжелой крестьянской доле: «Доля ты, долюшка, доля народная, доля ты горькая, доля прискорбная...» и т.д.

Во время сталинского террора в феврале 1938 г. А. П. Кузнецов и его сын были арестованы как «враги народа» и

Вотки — дети

Старая нагайбачка

умерли* в заключении 15 февраля 1945 г. Лишь в 1989 г. они были реабилитированы¹⁴).

В 70-80-е гг. этническое разнообразие Оренбургского края стало привлекать фотографов. В те годы в фотографическом искусстве сложился особый, «этнографический» жанр, призванный привлечь внимание общественности к многонациональной культуре России.

В 1872 г. фотомастер **Михаил Букарь** создал свой альбом «Фотографические снимки типов Оренбургского края». В нем было множество самых разнообразных портретных и жанровых снимков представителей народностей Оренбургского края и Средней Азии, такие как «Башкирское рабочее семейство», «Уральская казачья жена», «Мордва», «Калмыки», «Ташкентские купцы» и др. Этот альбом был подарен автором великому князю Александру Александровичу — будущему императору Александру III.

* По другим сведениям, А. П. Кузнецов и его сын Сергей Ананьевич были расстреляны в ночь с 14 на 15 февраля 1938 г. см. «Гостинный Двор» № 1, с.150-159.

В 1882 г. на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве золотой медали удостоилась коллекция фотографий «Типы инородцев Оренбургского края» **Карла Фишера**. В ней насчитывалось около тысячи снимков, представлявших собой бесценный историко-этнографический источник¹⁶⁾.

Объектом пристального этнографического изучения во второй половине XIX в. становится и казачество Оренбургского края, прежде всего уральское, имевшее много специфических черт в образе жизни, материальной и духовной культуре.

Картины воинского и семейного уклада уральских казаков содержались в произведениях бытописателя Уральского казачьего войска **Иосафа Игнатьевича Железнова** (1824-1863). Его повести и рассказы «Картины казацкой жизни», «Картины аханного рыболовства», «Хива», «Предания о Пугачеве» и др., по оценке Н. А. Добролюбова, имели «двойной интерес»: этнографический и исторический.

Сочинения И. И. Железнова оказали влияние на формирование исследовательских и литературных интересов есаула Уральского казачьего войска, историка и писателя **Ахила Бонифатьевича Карнова** (1867-1911). Главный труд его — огромный, почти в тысячу страниц фолиант «Уральцы», изданный в 1911 г. и освещающий ранний период (1550-1725) истории Уральского казачьего

его войска. Автор намеревался продолжить исследование, доведя его до 1870-х г., но успел написать лишь работу «Памятник казачьей старины». В ней он ярко, «картинно» описал борьбу казаков за сохранение своих вольностей и традиций старины, за старую веру и старые вечевые порядки.

Большим вкладом в изучение уральского казачества стали труды историка **Михаила Павловича Хорошихина** (1844-1899) «Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания» (1881) и «Очерк казачьих войска» (1884). Будучи уральским казаком, автор особое внимание уделил в них родному войску, описал военную службу и походы уральских казаков. Выпускник Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса и Николаевской Академии Генерального штаба М. П. Хорошихин быстро продвигался по службе, дослужившись до звания генерал-майора и должности наказного атамана Забайкальского казачьего войска¹⁶⁾.

Плодовитым исследователем-этнографом уральского казачества был **Никита Федорович Савичев** (1821-1885). Дослужившись до звания войскового старшины Уральского казачьего войска и уйдя в отставку, он стал по архивным материалам и личным наблюдениям изучать народную жизнь и быт уральских казаков, создав более сотни работ, среди которых следует назвать «Картины из быта уральских казаков», «Заметки о народном быте и одежде уральских

казаков», «Уральская старина: рассказы из виденного и слышанного», «Яицкие казаки и киргизы прошлого века», «Физиономия г.Уральска и его окрестностей за 100 лет и в настоящее время» и др.¹⁷⁾.

Следует отметить и работы крупного ученого, уральского казака **Николая Андреевича Бородина** (1861-1937) — двухтомный труд «Уральское казачье войско. Статистическое описание» (Уральск, 1891) и «Статистический атлас Уральского войска», изданный в том же году в Петербурге.

Как видим, над историей, этнографией и современным положением Уральского казачества трудилась тогда целая плеяда талантливых исследователей и литераторов.

Оренбургскому же казачьему войску (ОКВ) в этом отношении не столь повезло. Вплоть до 70-х гг. XIX в. оно практически не изучалось — ни его история, ни этнография. Первым шагом в разработке прошлого ОКВ стала работа Петра Ивановича Авдеева «Историческая записка об Оренбургском казачьем войске», написанная в 1873 г., но изданная гораздо позднее, в 1904 г.

Подлинным открытием истории Оренбургского казачества стал выход пяти книг **Федора Митрофановича Старикова** (1842-1911), войскового старшины, а позднее генерал-майора и атамана Второго отдела ОКВ. Особенно основательной работой была книга «Откуда взялись казаки», выдержавшая два издания (1881 и 1884). В двух работах — «Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска» (1890) и «Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска» (1891) — была приложена этнографическая статья о домашнем быте оренбургских казаков. Эта статья фактически была первой (и едва ли не единственной) попыткой дать этнографическое описание оренбургских казаков. После Старикова этими сюжетами частично занимались **С. Н. Севастьянов** и **А. И. Кривошеков**. В статье Стариков описывает по сложившейся тогда схеме жилища, одежду,

пищу, обычаи, нравы, поверия, обряды, песни и т.п. различных национальных групп, входивших в состав ОКВ: русских, татар, нагайбаков и др. Он собрал и опубликовал более десятка казачьих песен, первым обратив внимание на богатство песенного творчества Оренбургского казачества.

В начале XX в. другой исследователь, действительный член Оренбургской Ученой Архивной Комиссии сотник **Александр Иванович Мякутин** (1876-1918), завершил сбор и публикацию казачьих песен, издав в 1904-1910 гг. четыре тома «Песен Оренбургских казаков». Исследователь ставил своей целью «сохранить в памяти потомства исторические песни оренбургских казаков в том именно виде, в каком они поются ныне». В первый том вошло 90 исторических песен, во втором помещены песни былевые (162 варианта песен). Появившийся в 1906 г. третий том содержал песни бытовые: семейные, любовные, колыбельные, застольные, шуточные, строевые, при провах и встречах казаков и др. И наконец, четвертый том включал обрядовые и духовные стихи и песни (1910¹⁸⁾).

В конце XIX — начале XX вв. значительно возрос интерес к этнографическому изучению казахского народа. При чем центром этих исследований был Оренбург. Здесь размещались административные учреждения Тургайской области, издавалась газета «Тургайские областные ведомости». В городе активно действовала Ученая Архивная Комиссия, проводившая многообразную исследовательскую работу историко-этнографического характера. Среди тех ее членов, которые увлекались «киргизской» этнографией, следует назвать прежде всего **Александра Ефимовича Алекторова** (1861-1919).

После окончания Пензенской духовной семинарии Александр Ефимович Алекторов прибыл в 1882 г. в Оренбургский край, где и начал свою педагогическую и научную деятельность. Он трудился учителем в учебных заведениях

Оренбурга, Орска. Восемь лет — с 1886 по 1894 г. — работал инспектором училищ Внутренней Букеевской орды. В августе 1894 г. он покинул Ханскую Ставку и переехал в Кустанай, служил инспектором училищ Тургайской области, а с 1903 г. — директором училищ Семипалатинской области¹⁹⁾.

Оказавшись в обширном и многонациональном крае, молодой педагог с увлечением и энергией занялся его изучением. Уже в 1882 г. была выпущена его первая работа — «История Оренбургской губернии», выдержавшая два издания и ставшая заметным событием в краеведении Южного Урала. В ней на основе литературы и опубликованных источников прослеживалась история края с древнейших времен до второй половины XIX в. Уделено внимание пугачевскому восстанию, кантонной системе в Башкирии, восстанию государственных крестьян Приуралья в 1843 г.

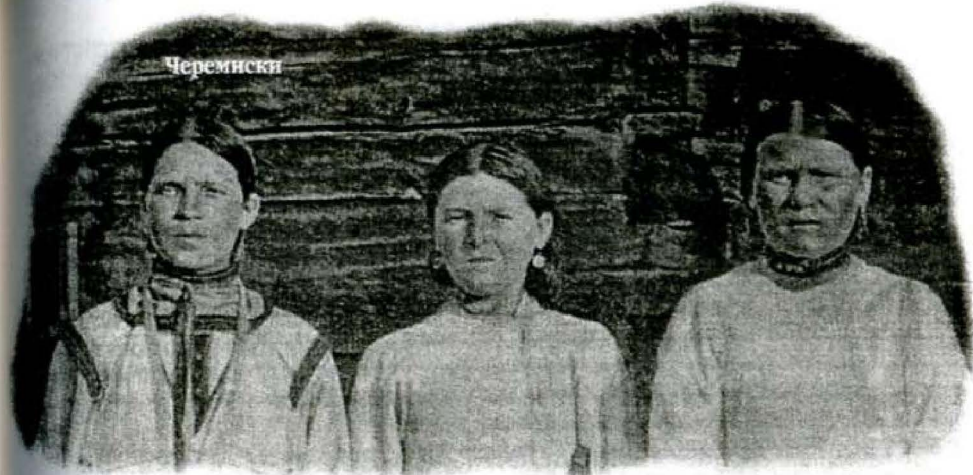
Историк стремился к правдивому, добросовестному описанию событий, пытаясь вскрыть причины народных движений, показать их массовый и многонациональный характер, не умалчивая о жестокостях карателей. В 1884-1885 гг. в газете «Оренбургский листок» и отдельным изданием была опубликована работа Алекторова «Географический очерк Оренбургской губернии». Она, как и первая книга, в значительной мере предназначалась в качестве учебного пособия для учащихся по краеведению.

После этих обзорно-описательных работ в центре исследовательские интересы автора стали все более сосредотачиваться на «киргизской» проблематике, а точнее, на изучении истории и этнографии казахского народа. Это в значительной мере было связано с переездом в 1886 г. на новое место службы — во Внутреннюю Букеевскую казахскую орду. В периодической печати Астрахани, Оренбурга, Уральска и других городов начали публиковаться со второй половины 1880-х гг. его многочисленные статьи по казахской истории и этнографии, написанные на основе архивного и собран-

ного автором этнографического материала. Среди них выделяются очерки «Внутренняя Букеевская орда», «Тургайская область», статьи о земледелии, скотоводстве, именах, болезнях и средствах врачевания, о рождении и воспитании детей, правах и власти родительской, о выборе начале у киргизов (казахов). Венчают этот цикл две крупные работы: «Очерк народного образования в Тургайской области. Летопись 1744-1898 гг.» (три тома) и фундаментальный библиографический «Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах» (Казань, 1900). Последняя работа была результатом многолетнего собирания и изучения автором литературы о казахах и Казахстане. Алекторов писал, что имеет «в азиатском отделе своей библиотеки все, что когда-либо писалось и пишется о киргизах»²⁰⁾.

Современники высоко оценили научные заслуги А.Е.Алекторова. Некоторые полагали, что он «обещает быть приложением своим подобным Рычкову»²¹⁾. Он был избран членом-корреспондентом Оренбургской и членом Астраханской ученых архивных комиссий, ряда статистических комитетов и других научных обществ. Оценивая деятельность Алекторова, газета «Оренбургский листок» писала в 1894 г. в связи с отъездом его в Кустанай на новое место службы, что «Алекторов прослужил в Киргизской (Внутренней. — Ю.З.) орде около восьми лет и в течение этого времени напечатал до 300 статей и заметок, которые помещались в «Астраханском вестнике», «Астраханском справочном листе», «Волжском вестнике», «Известиях Оренбургского отдела Русского Географического общества», «Московских ведомостях», «Оренбургском крае», «Особом прибавлении к Акмолинским областным ведомостям», «Страннике», «Циркуляре по Оренбургскому учебному округу», «Этнографическом обозрении»²²⁾.

Отмечались заслуги А.Е.Алекторова и в деле развития народного просвещения среди казахов. Во время службы в качестве инспектора училищ Внутренней Бу-

Черемиски

кеевской орды он осуществил введение усовершенствованных методов преподавания и лучших учебников, постройку новых училищных зданий, открытие публичной библиотеки. Им была составлена азбука для обучения казахских детей «К мудрости ступенька». Она была одобрена учебно-окружным начальством и издана по распоряжению военного губернатора Тургайской области.

Думается, вполне назрела необходимость основательного изучения творческого наследия исследователя и переиздания лучших его работ.

Член Ученой Архивной Комиссии с 1895 г., советник хозяйственного отдела Тургайского областного правления **Иван Иванович Крафт** (1861-1914) увлеченно занимался вопросами этнографии и истории Казахстана. Будучи редактором (1891-1898) газеты «Тургайские областные ведомости», он активно публиковал в этой и других газетах края статьи и заметки. В «Известиях Оренбургского отдела Русского Географического Общества» он в 1897 г. опубликовал работу «Принятие киргизами российского государства». В следующем году отдельными изданиями вышли его работы об исторической статистике, законодательных сведениях, городах степных областей, о судебной части в Туркестанском крае и степных областях.

В «Сборнике узаконений о киргизах степных областей» И.И.Крафта, изданном в 1898 г. в Оренбурге объемом 530 страниц, было помещено более 1500 грамот и указов о казахах за период с 1731 по 1898 г. В другом сборнике — «Из киргизской старины» (Оренбург, 1900) — Крафт поместил две свои статьи по важному и тогда еще слабо разработанным вопросам: «Уничтожение рабства в Киргизской степи» и «Султаны, тарханы и баи».

Ветеринарный врач Тургайской области, а позднее крестьянский начальник той же области **Александр Иванович Добросмыслов** (1854-1915) также внес определенный вклад в разработку истории и этнографии Оренбургского края и Казахстана. Будучи деятельным членом Оренбургской Ученой Архивной Комиссии, он публиковал свои работы во многих газетах и в «Трудах ОУАК». Историко-этнографический характер носили многие его работы, такие как «Суд у киргизов Тургайской области в XVIII-XIX веках», большая работа по истории Башкирского восстания 1735-1740 гг., «Тургайская область. Исторический очерк» и другие. В них раскрывались историческое прошлое казахов, башкир, их демография, экономика, обычаи, просвещение и т.п.

Этнографическими сюжетами интере-

совались и некоторые другие деятели Ученой Архивной Комиссии. Показателен, например, такой факт. В декабре 1904 г. на заседании Архивной Комиссии было заслушано сообщение о том, что в Уральской области среди казахов есть много певцов народных песен и былин, знатоков местной старины. Среди них особенно был знаменит певец — импровизатор *Казакбай Тургумбаев*. Эти сведения сообщил землемер, помощник производителя работ Тургайской переселенческой партии *Т.И. Седельников* (впоследствии депутат I Гос. Думы). При его содействии казахского певца доставили в Оренбург и записали спетые им песни²³).

Таким образом, приведенный материал убедительно показывает, что Оренбург играл в XIX — начале XX вв. роль крупного центра этнографических исследований. Здесь трудилась целая плеяда талантливых и увлеченных исследователей-историков, этнографов, естествоиспытателей. И хотя многие из них были любителями-краеведами, но благодаря упорным исследовательским поискам и трудам они поднимались до уровня большой науки, вносили вклад в развитие отечественной истории и этнографии.

Примечания

1. *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. — Уфа, 1859. — С.118
2. *Матвиевский П. Е., Ефремов А. В.* Петр Иванович Рычков. — М.: Наука, 1991
3. *Масанов Э. А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. — Алма-Ата, 1966. — С.116-120
4. *Матвиевский П. Е.* П. М. Кудряшев и его этнографическое описание башкир первой четверти XIX в. // Южноуральский археографический сборник. — Уфа, 1973. — Вып.1. — С.90-97

5. Башкирия в русской литературе. Т.21./Сост. и ред. Рахимкулов М. Г. — Изд. 2-е. — Уфа, 1989. — С.315-368

6. *Зобов Ю. С.* Исследовательская деятельность В.И.Даля в Оренбургском крае // 190-летию В.И.Даля посвящается: Материалы юбилейного «круглого стола». — Луганск, 1991. — С.37-38

7. *Казанцев И. М.* Описание киргиз-кайсаков. — СПб, 1867. — Предисловие

8. *Черемшанский В. М.* Указ. соч.

9. *Зобов Ю. С.* Знатоки древностей Башкирии // Сохраним выцветшие строки / Сост. В.А.Скачилов. — Уфа, 1988. — С.124-133

10. *Игнатьев Р. Г.* Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор. — Казань, 1894. — С.82

11. *Рахимкулов М. Г.* Народной мудрости родник. — Уфа, 1988. — Гл. «Свежа и бодря его песня». — С.92-103

12. Оренбург. листок. 1889 № 5. Некролог С. М. Пономарева; Ширияева П. Г. Семен Михайлович Пономарев. (Из истории русского фольклора 80-х гг. XIX в.) // Русский фольклор. — М.-Л, 1959. — Вып.4. — С.

13. Оренбург. листок. 1887. — № 52

14. *Одноралов В.* Судьба «нестандартного» крестьянина. Из истории геноцида // Урал.газ. — 1992. — Янв. — № 1. — С.11

15. *Сабурова Т.* У ворот в Азию // Родина. — 1998. — № 2

16. Казачья сотня. Вып. 1. — М.: Воениздат, 1996. — С.106-107

17. Там же. — С.108-109

18. *Семенов В.* Песни Оренбургских казаков // Оренбург. казачий вестн. — 1994. — Июнь. — № 4. — С.8

19. ГАОО. Ф.81. ОП.1. Д.62. Л.5-8

20. Тургайская газ. — 1895. — № 25

21. Труды ОУАК. Вып. 30. — Оренбург, 1914. — С.62

22. Оренбург. листок. — 1894. — № 34

23. *Зобов Ю. С.* Историк Южного Урала. — Оренбург, 1991. — Гл. «Дела и люди ОУАК»

Казачий Нестор

Года два назад на совещании руководителей литобъединений городов и районов Оренбургской области поэт *Теннадий Хомутов* обмолвился о том, что в Уральске якобы пропадает уникальный словарь местных казачьих говоров, его якобы никто не хочет издавать. Этим сообщением заинтересовался директор Оренбургского книжного издательства *Любовь Петровна Петрова*, присутствовавшая на совещании. «Правда ли это?» — спросила она у писателя, недавнего вынужденного переселенца из Уральска *Николая Корсунова*. «Правда!» — сказал он.

С того дня и началась эпопея по волеизъявлению Словаря из своеобразного небытия. Чтобы разыскать единственную прямую наследницу *Н.М. Малечи*, дочь *Анну Несторовну*, которой далеко за во-

семьдесят, найти разумных людей, готовых помочь в издании, поставить заслон популяризации не весьма чистоплотных лиц, желавших погреться возле чужой славы, *Н.Ф. Корсунову* пришлось четыре раза съездить в Уральск. Наконец, к *Анне Несторовне* приехал директор нашего издательства *Л. П. Петрова*, и в присутствии главных, искренних «болельщиков» судьбы Словаря, коими являлись родственница *Инна Николаевна Жуковская*, *Николай Михайлович Щербанов* и *Николай Федорович Корсунов*, договор на издание этого уникального труда был заключен. Восемь машинописных томов Словаря вывезены в Оренбург, наследнице выплачен аванс из причитающегося ей гонорара.

Теперь нам остается только ждать и надеяться.

СЛОВО ПЕРВОЕ

Мутные хляби так называемых реформ грозят нам не только поглощением государственности, но и уничтожением русского языка. А без собственно языка нет народа, нет нации. Болезнь — с головы: лингвисты подсчитали, что нынешние политики используют менее 4 процентов родного русского языка. Подстать им и лихая армия телерадиокомментаторов, газетчиков, немало числа авторов околелитературного ширпотреба, всерьез именуемого художественной прозой. Поэтому неслучайна тревога многих и многих отечественных ученых, писателей, педагогов, просто граждан о судьбе языка, на котором говорили и творили *Ломоносов*, *Державин*, *Пушкин*, *Толстой*, *Есенин*, *Шолохов*...

И поэтому же часто стало вспоминаться имя ученого-подвижника из Уральска *Нестора Михайловича Малечи*, практически всю главную часть своей долгой жизни (он прожил 92 года) посвятившего изучению и популяризации Уральских казачьих говоров. А языковая сокровищница здешняя поистине уни-

кальна, она формировалась на берегах Яика более пяти столетий, беглые люди со всех концов Руси несли сюда свои говоры, свою речевую культуру, здесь язык смешивался, обогащался за счет заимствований у народов-соседей, благодаря чему лексика казаков обрела удивительную емкость, образность, афористичную краткость, восхищавшие многих знаменитых людей. Известно, что огромное количество слов, выражений, поговорок для своего знаменитого «Толкового словаря» *Владимир Даль* позаимствовал именно у наших уральских казаков, исколесив тысячи верст по станицам и хуторам во время служебных командировок. А его сравнительно небольшой очерк «Уральский казак» — как бы краткая энциклопедическая справка, изложенная живописно, ярко, познавательно. Из него мы узнаем, что «у зверя не разум, а побудка; птица в перелет идет побудкой», что «кокурка — пшеничный хлебец, в котором запечено яйцо», «каймак — упаренное до густоты молоко со сливками и густыми пенками», что ловля красной рыбы зимой в ятовях (ому-

тах) баграми — «багрень», а лов на царскую долю — «царский кус», что коренного уральца «можно узнать по говору; он только слово вымолвит, и сказать ему положительно: «Ты уральский казак...»

Н. М. Малеча стал своего рода продолжателем великого дела В. Даля, правда, в границах одного казачьего региона лишь, но это нисколько не умаляет его заслуг перед отечественной лингвистикой. Мне посчастливилось в течение четверти века близко общаться с Нестором Михайловичем, участвовать в организованных им экспедициях по сбору диалектизмов, помогать в формировании Словаря даже тогда, когда я пять лет редакторствовал в целинной районной газете (мы были в постоянной переписке).

Однажды он прислал мне на «вычитку» рукопись Словаря, я сделал требуемое, но в оговоренный срок не уложился, он — тут же телеграмму: «Что случилось?!» Позже пришла открытка, в которой Нестор Михайлович разъяснял свое беспокойство: «Дорогой Николай Федорович! Вы правильно расшифровали содержание моей телеграммы. Что было бы, если бы пропали бы рукописи? Выдержал ли бы я этот удар? Когда-то денкины сожгли мою картотеку Словаря Т.Г.Шевченко (250.000 карточек), во время оккупации Киева пропали мои фольклорные записи, очень интересные и ценные... А тут новое дело!.. Я уж успокоился... Надеюсь, что Вы и впредь будете присылать нам свои записи».

В ответ на поздравления и добрые пожелания к дню рождения, он посетовал, что мои пожелания не совпадают с его «возможностями и способностями. Лет на десять я опоздал со словарем. Наперед очень благодарю за Ваши лексические записи... 200-300 слов — это же целый словарь!.. Уж извините, я теперь буду к Вам часто обращаться за разъяснениями...»

В одном из следующих писем: «Очень благодарен за слова, отмеченные Вами: они в фразах и с указанием населенных пунктов... Похвалиться здоровьем я не

могу, но все же работаю. У меня одно желание — довести словарь хотя бы на черنو... Позавчера окончил букву «Н». Много интересных слов, нигде еще не напечатанных...»

После моего возвращения в Уральск связи наши не прерывались. Уж и не знаю, сколько раз я бывал по поручению Нестора Михайловича в Академии наук Казахстана, хлопоча об издании Словаря! Профессор Х.Махмудов, курировавший Словарь, или избегал меня, или врал: мол, все в порядке. Не меньше мытарств было и со Словарем личных имен уральцев, составленным Нестором Михайловичем и его верной сподвижницей, женой Марией Николаевной. Он был подготовлен к публикации, необходима была лишь формальная виза. Но 10 апреля 1976 г. Нестор Михайлович присылает записку: «Вы завтра уезжаете в Алма-Ату... Решил попросить Вас сделать кое-что для продвижения Словаря имен уральцев в направлении к Уральской типографии... Я попросил бы Вас снова поговорить в КазПИ (Казахский педагогический институт. — Н.К.) с проректором по науч. работе Фридманом (Цезарь Львович — если не ошибаюсь). Ведь тираж Словаря имен 300 экз., пусть даже 200! Бумага найдется в Уральске. Комитет по печати не возражает... От Фридмана только требуется поставить визу КазПИ, который абсолютно никакого не потерпит финансового ущерба...»

Нет, не увидели труды Нестора Михайловича света при его жизни. Скорее всего потому, что преданные «пламенными революционерами» анафеме казаки все еще если не пугали, то настораживали особо бдительных «интернационалистов» и весьма родственных им по истовости националистов. Ну, а сейчас... Удастся ли сейчас издать уникальный Словарь, читать который даже в машинописном виде — удовольствие?! Попробуйте на «зубок» хотя бы вот эти, взятые наугад, несколько фраз: «В избе будете чай пить ай во дворе под увейцем?» — то есть в тени под деревом, на ветерке; «Я шибко хворала, дочка меня-ти выпла-

кала, а сама-ти убралась (умерла)»; «машина-ти у него с наделками (кузов скоротовозки)»; «я подумал, не слезился ли он»; «она маненько скидывает (смахивает, похожа) на мать»; «скатывали бахчи (убирали)»; «сыночки, говорим, такссыке, а в кого? Вот он, сад-то, — батянька!»; «навздвала на себя что ни попада и ходит кикиморой»...

Уже после смерти Н.М.Малечи директор Института русского языка Академии наук СССР Ф.П.Филин писал вдове автора Словаря, что Нестор Михайлович совершил научный подвиг, и если труд его не будет обнародован, то в науке о русском народном говоре будет навсегда утеряна неповторимая область.

Ценят, признают, соболезнуют на всех уровнях, даже на самых высших, но... практически — ноль. Непростительное гололотовяпство Иванов, не помнящих родства.

*Николай Корсунов,
председатель Оренбургского
отделения Союза писателей России*

СЛОВО ВТОРОЕ

Если когда-нибудь будет написана история уральской интеллигенции XX века, то имя Нестора Михайловича Малечи должно оказаться в ней на первом месте. Он не был коренным уральцем, его выслали с Украины в Уральск в 1934 году по наветам завистников. И с тех пор наша земля стала его второй родиной — вплоть до кончины в 1979 году. Созданного им за эти годы хватило бы на несколько человеческих жизней. Этнография, фольклористика, лингвистика, краеведение — вот области, в которых проявился талант этого человека.

В его статьях, появившихся в местной прессе, впервые были намечены пути комплексного изучения нашего края. Но самый главный труд его жизни — Словарь говоров уральских казаков. Поразителен объем этого фолианта. Многие поколения студентов Нестора Михайловича ездили вместе с ним в экспедиции, не пропустили ни одного казачьего поселка (180 пунктов) Уральской, Орен-

бургской и Гурьевской областей. 200 тысяч карточек, более 25 тысяч слов. Их нужно было найти, услышать в связанном тексте и записать. Весь этот материал составил 3306 машинописных страниц, готовых к печати...

Словарь — своеобразная энциклопедия русского населения края. Он содержит богатейшую социально-политическую, бытовую, производственную (рыболовецкую, животноводческую, полеводческую, ремесленную), ботаническую, метеорологическую лексику; терминологию народной медицины, народной ветеринарии, народной астрономии и т.д. Представлены в Словаре пословицы, поговорки, тюркские заимствования.

Н.Малечей написано еще несколько капитальных работ. В их числе — «Словарь личных собственных имен уральских казаков», в котором содержится около 7 тысяч имен паспортных, уменьшительных, ласкательных, уничижительных и других, а также первая в отечественной фольклористике обстоятельная монография о детских считалках (1976). Встречи с этими книгами еще предсто-ят читателю.

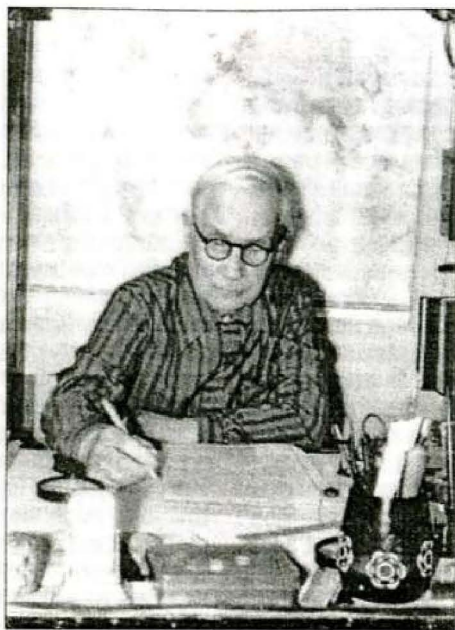
В Уральском педагогическом институте Малеча преподавал почти все дисциплины филологического цикла: русский, старославянский, латинский, немецкий языки, русскую литературу, фольклор, историческую грамматику русского языка, введение в языкознание, диалектологию... Мне посчастливилось слушать лекции Нестора Михайловича по курсу «Введение в языкознание». Манера чтения лекций и их содержание были чрезвычайно своеобразными. Каждая лекция была открытием, встречей с неизвестным, от которого ждешь многого. Подобно чтению очень хорошей, интересной, но и очень сложной книги.

Малеча никогда не отгораживался от жизни стенами своего кабинета, жил интересами города, области, страны. Показателен такой факт: только приехав в Уральск, он активно включается в работу местного отделения изучения Казахстана и сразу же делает открытие, обна-

ружив в запасниках краеведческого музея пребывавший в забвении портрет Никиты Федоровича Савичева кисти великого Тараса Шевченко. Малечу принадлежит и первое печатное сообщение об этой художественной работе.

Он пробудил у краеведов внимание к уральским писателям прошлого века Иосафу Железнову и Никите Савичеву, принял попытки поиска их архивов.

В последние годы жизни ученого мне довелось часто бывать у него дома, помогать перепечатывать, ксерокопировать его книги и статьи. Поражали стойкость духа, самообладание этого уже весьма старого человека. Будучи неизлечимо больным, Нестор Михайлович спокойно и разумно распорядился своим наследием. Посетовав, что нет наследника, которому пригодилась бы его библиотека, содержащая специальную литературу, он большую ее часть подарил читальным залам и кабинетам института. Многие рукописи своих книг, в том числе и Словарь, Малеча разослал в научные центры Москвы, Ленинграда и Киева. Странно было видеть полупустые комнаты, заставленные увязанными стопками

книг, журналов, приготовленными к отправке посылками и бандеролями. Было впечатлительно, что хозяин дома куда-то уезжает, может, просто на другую квартиру.

Поражало и то, что работа над Словарем продолжалась до последнего часа. Студенты, учителя присылали и приносили новые сведения, и Нестор Михайлович делал вставки в уже готовые, отпечатанные на ма-

шинке тома своего грандиозного труда.

Нестора Михайловича Малечу часто называют наследником Владимира Ивановича Даля. Это, без сомнения, справедливо. Только следует добавить, что наследие Малечи, в котором зафиксирована почти исчезнувшая огромная языковая культура, сейчас остро нуждается в людях, способных не дать затеряться, погаснуть Слову, которое открыл и с такой любовью запечатлел великий труженик.

*Николай Щербанов,
кандидат филологический наук,
доцент Западно-Казахстанского
гуманитарного университета
имени А. С. Пушкина.
г. Уральск*

Для нас, сегодняшних, фамилия Столытин, что называется, на слуху. Но это благодаря только Петру Аркадьевичу Столытину, великому реформатору. А вот об отце его, имевшем к Оренбуржью самое непосредственное отношение, знают единицы. Даже у нас в крае. Хотя личность тоже была яркая и неординарная.

Родился Аркадий Дмитриевич Столытин в 1821 г. в семье военного. Его отец (дед Петра Аркадьевича), генерал-майор Дмитрий Алексеевич Столытин, служил в это время на юге России, был в хороших отношениях с П. Пестелем. В начале 1826 г., когда в стране начались повальные аресты после известных событий декабря 1825 г., Д. А. Столытин скоротостижно скончался (некоторые утверждали, что на самом деле имело место самоубийство). Кстати, сестра Дмитрия Алексеевича, Елизавета Алексеевна Арсеньева (урожденная Столытина), стала бабушкой Михаила Юрьевича Лермонтова.

Оставшись без отца в столь раннем возрасте, Аркадий Столытин рос независимым и гордым (достаточно сказать, что, начав в 16 лет службу в конной артиллерии, он несколько раз подавал в отставку). Крымская война застала его, когда он служил в штабе артиллерии Дунайской армии адъютантом командующего князя М. Д. Горчакова, своего будущего тестя. За мужество, проявленное при обороне Севастополя, А. Д. Столытин удостоивается ордена Св. Владимира 4-й степени, а годом позже — золотой сабли (с надписью «За храбрость»). В эти же годы завязывается дружба его с Л. Н. Толстым, который помогает своему коллеге-артиллеристу напечатать в журнале «Современник» очерк «Ночная атака в Севастополе. Рассказ участвовавшего в ней».

«Милостивый государь Аркадий Дмитриевич...»

В 1857 г. полковник Столытин назначается дежурным штаб-офицером при командующем Оренбургским отдельным корпусом генерале А. А. Катенине, а через несколько месяцев — наказным атаманом Уральского казачьего войска и поселяется в г. Уральске.

Пять лет (до 1862 г.) командовал А. Д. Столытин уральскими казаками, при нем здесь было открыто более ста школ, начаты многие полезные преобразования. Отмечая его заслуги, жители Уральска одну из центральных улиц своего города назвали Столытинской.

После окончания русско-турецкой войны 1877-1878 гг., в которой принимал участие и А. Д. Столытин, он, пока устройство болгарских земель не было определено, служил генерал-губернатором Восточной Румелии и Андрианопольского санджика. Затем занимал различные должности в Военном Министерстве. Последней из них была должность коменданта Кремлевского Дворца.

Скончался генерал-адъютант Столытин 20 ноября 1899 г.

Предлагаемые письма — часть той обширнейшей деловой переписки, что вели между собою наказной атаман Уральского казачьего войска А. Д. Столытин и оренбургский генерал-губернатор А. А. Катенин (как известно, Уральское войско находилось в административном подчинении у оренбургского генерал-губернаторства). Письма, как уже было сказано, деловые, но в них прекрасно вырисовываются личности двух этих незаурядных государственных деятелей и далекий от казенщины стиль отношений. И уж поистине наслаждаешься тем самым канцелярским языком, что безосновательно определен одним из наших классиков как «суконный». Публикуются впервые.

В. Г. Семенов

его же отца». Все у меня помутилось в глазах. Дня два я ходил, как дурак, ничего не пил, не ел. На третий день я пошел к начальнику постов, у нас в то время был пехотный штабс-капитан, и я, рассказав ему про свое несчастье, попросил отпустить меня в шинок выпить.

Дня три я не являлся в сотню, пил без просыпа, а когда явился, то вместе с начальником мы послали письмо в станицу к атаману с просьбой сообщить, действительно верно ли то, что мне передали. Ответа не было никакого. Письма три я посылал, и все никакого ответа не было.

Начальник поста у нас сменился, но опять поступил хороший, и узнавши мое горе, помогал мне.

Наконец, прислали нам опять нового начальника. Этот был киргизин. Узнавши про меня, он посоветовал написать прямо к атаману отдела.

Это сразу подействовало, и не прошло месяца, как я получил ответ, что можно подать в духовную консисторию и получить разводную. Я уже хотел хлопотать, как нас сменили с постов и перевели в город, Скобелев.

<неразборчиво> мы разместились по казармам. Один из моих станишников выписывал свою бабу сюда, подумавши немного, решил и я выписать свою.

Как ни странно, но моя жена приехала. Я ничего ей не говорил, но только когда снял квартиру, и она там поместилась, решил спросить ее: правда ли то, что мне говорили.

Она отнекивалась и говорила, что это кто-нибудь по злобе наговорил. Я поверил и простил все.

Через некоторое время я проводил ее обратно.

Как раз в это время и революция открылась, начались большевистские бунты. Немного погодя и нас отпустили по домам.

Пришел я домой к вечеру. Утром проснулся – ни жены, ни отца нет. Я туда, я сюда. Нет.

Обошел весь двор, все сараи облазил. Нигде не было.

Я принялся убирать двор и решил терпеливо ждать.

Через некоторое время явилась ко мне соседка и спросила: «Сваток, — она меня так называла, — куда бабу твою деть прикажешь?» — «А где она?» — спросил я. «Да вон у меня... Родила она».

Закипело у меня в груди: «Вези к теще. Мне она не нужна».

Пришел я в избу, вынул из сундука у отца деньги, пошел к товарищу и с ним пошли выпить. Только это распили мы с ним бутылку, прибежал братишка Гришка и говорит: «Проша, пойдем домой, отец пришел».

Собрался я, и мы пошли.

Приходим, а отец сидит на кровати, повесил голову. Я тоже сел.

«Что же это ты, отец, наделал?» — спросил я его.

«Сам ты это наделал!» — огрызнулся он.

Помутилось у меня в голове, схватился я со стула и подбежал к отцу. Гришка подбежал тоже. Не помня себя, я развернулся и ударил отца по щеке. А этого было достаточно: Гришка тоже помогал мне, и мы начали бить отца. Вскоре он сознался, что, действительно, он жил с моей женой. Успокоился я немного, и начали мы кое как жить. А жена жила у тещи.

Через несколько дней она пришла, только я ее не пустил и сказал, что с ней я больше жить не стану.

Приходила она после этого еще несколько раз и с тещей и одна — все равно ей нет прощенья.

Получил я от духовной консистории теперь вот две бумажки и должен был еще получить разводную, да как раз нас сюда послали.

Вот теперь я не холост и не женат, и сам не знаю что.

А с отцом нас сход разделил...

Казачи хохотали над рассказом, а мне было грустно и обидно за людскую безжалостность и смех над горем своего же брата-казака.

*Публикация, М. В. Судоргиной,
В. Г. Семенова*

*Вступительное слово, подготовка
к публикации И. А. Бехтерева*

*Инна Каримовна Зубова
родилась в Ленинграде,
выросла в Оренбурге.
После окончания
математико-механического
факультета
Ленинградского
государственного
университета работала
в Ташкенте, Ленинграде
и Киеве.
Ныне преподает
математику
в Оренбургском
государственном
университете,
занимается историей
науки и краеведением.
Кандидат
физико-математических
наук.*

*К сожалению, в прошлом, шестом,
выпуске «Гостиного Двора», в такой же*

Инна Зубова

История потомков Петра Ивановича Рычкова, рассказанная ими самими

Повесть-исследование

ОТ АВТОРА

История любой семьи, прослеженная на протяжении хотя бы одного-двух столетий, занимательна сама по себе, но, главное, неотделима от истории народа. Это, тем более, справедливо, если речь идет о семье, давшей Отечеству какого-либо замечательного своего представителя. Тут нас интересует все: и кто были его предки, и как сложилась жизнь у его потомков.

Наш великий земляк Петр Иванович Рычков (1712-1777) был родоначальником большой семьи. Сведения о своих детях он оставил в своих «Записках». О представителях следующих поколений мы узнаем из их собственных воспоминаний и из архивных материалов. Попытаемся систематизировать эту информацию и составить нечто вроде генеалогического древа семьи.

П. И. Рычков был женат первым браком на Анисье Прокофьевне Гуляевой (1713-1751), которая умерла при родах (двенадцатых по счету), оставив четверых живых к этому времени детей: сыновей Андрея, Ивана и Николая и дочь Марию. Через год девочка, имевшая большие способности,

заразилась какой-то болезнью и умерла вскоре после того, как отец вторично женился. Было ей около девяти лет.

Еще через год, в 1753 г., у второй жены Рычкова, Елены Денисьевны Чириковой (1733-?), родился сын Василий. Петр Иванович в своих «Записках» так писал об этом: *«Я особенно должен милосердие Божие прославлять не только за рождение оно, но и за мать, которая в рождении его чрез четырнадцать часов, имев самую пружестокую и мучительную болезнь (чем меня, по причине покойной Анисьи Прокофьевны в отчаяние было*

жизни моей привела), от ея беременно-сти благополучно разрешилась».

Впоследствии у Елены Денисьевны, как и у Анисьи Прокофьевны, было много детей, и ей также приходилось их терять. Для Петра Ивановича, доброго и заботливого отца, смерть каждого, даже новорожденного, ребенка была большим горем, а воспоминания о детях, успешных подрасти, и через много лет пронизаны болью. «Я донныне без великой жалости вспомнить ея не могу», — пишет он о дочери от первого брака. «Нередко случалось мне, что я разговаривал с ним и усматривая в нем смысл и догадку выше его лет, и удивительные от него вопросы, радостные слезы имел... За добронравие и смысл его столько он любим был мною и матерью, что без сожаления и слез поныне вспомнить и говорить про него не можем», — это слова Петра Ивановича о сыне Ферапонте, умершем двухлетним в 1760 г. До него у Елены Денисьевны был сын Петр, проживший всего полгода. И еще одного сына, Ксенофонта, Рычковы потеряли тринадцатилетним, в 1775 г.

Остальные дети Елены Денисьевны были девочки. Первенец Василий оказался ее единственным выросшим сыном и последним, четвертым сыном Петра Ивановича. Анисья Прокофьевна,

как уже говорилось, оставила ему Андрея, родившегося в 1738 г., и погодков Ивана и Николая (1745 и 1746 гг.).

В «Записках» П. И. Рычкова отражена недолгая, но весьма достойная жизнь его старшего сына, Андрея Петровича, который в 1753 г., четырнадцати лет, был пожалован в офицеры. «Он, уповаю, не забудет, сколько было у меня радостных слез, когда я о сем пожаловании первое известие получил», — писал отец.

В 1757 г. Андрей получает чин поручика и женится на дочери симбирского помещика Фioane Алексеевны Рогововой. «1759 года, — пишет П. И. Рычков, — главное благополучие мое состояло в том, что Всемогущий Бог удостоил мне видеть сынов моих; ибо января 11-го числа даровал мне первого внука, а сыну моему Андрею сына, кой наречен Петром». В феврале 1760 г. у Андрея родилась и дочь, которая умерла через два месяца. По этому поводу П. И. Рычков в своих записках оставил фразу, полную глубокого смысла для православного человека: «Сие и дочери моей Елизаветы, скончавшейся сего года в январе, а особливо любезного моего Ферапонта кончину почитаю я за особливо Божие посещение. Он его же милует, того и наказует».

Несмотря на свое семейное положение, Андрей Петрович не вышел в отставку, в том же 1760 г. по собственному прошению был призван в армию и отправился в заграничный поход. Об этом его отец писал: «Жизнь моя тогда совершенно будет благополучною, когда я его увижу полезна отечеству!» В 1761 г. Андрей получает за отличия в боях чин капитана, а в 1764 г. «пожалован в Оренбургский гарнизон секунд-майором и определен в Пензенский пехотный полк, в котором он прежде был сержантам и прапорщиком». В первый день 1770 г. Андрей Петрович произведен в подполковники Сергиевского драгунского полка. В мае 1771 г.

Пётр Иванович Рычков
(1712-1777)

сыновья Петра Ивановича Андрей и Николай отправляются в Орскую крепость «для похода в Киргизскую степь за бежавшими от Волги калмыками». Вернувшись из этого неудачного похода в июне, Андрей сразу уезжает «для принятия главной команды над отправляющимися из Оренбургской губернии на Сибирской линии войсками». Из Сибирского похода возвращается в ноябре. В 1772 г. определен подполковником в Ростовский карабинерный полк.

В 1774 году Андрею 35 лет. Он произведен в полковники и становится командантом г. Симбирска, а его пятнадцатилетний сын Петр пожалован в прапорщики. В августе этого же года оба участвуют в неравном бою с пугачевцами под пригородом Симбирска Корсуном. В этом бою старший сын П. И. Рычкова героически погиб, а внука чудом спасли верные люди.

Второй сын П. И. Рычкова, Иван, учился в Московском университете, вернулся в имение отца Спасское в марте 1762 г., а в декабре того же года он и его младший брат Николай были определены в Пензенский пехотный полк, где служил их старший брат Андрей, сержантами. Через два года Иван и Николай были произведены в прапорщики.

В 1767 г. Николай вышел в отставку в чине капитана, а в следующем году начал свою научную деятельность в экспедиции П. С. Палласа.

В 1766 г. Иван Рычков отвез в Москву для поступления в университет самого младшего брата, Василия, который через год был выпущен оттуда вахмистром в Казанский полк. Таким образом, все сыновья П. И. Рычкова избрали поначалу военную карьеру. И только Николай Петрович, выйдя в отставку, пошел по стопам отца. В 1772 г. он получил чин коллежского ассессора и был назначен директором Ахтубинского шелкового завода в Царицын.

Сведения об участии младших сыновей Рычкова в войне с Пугачевым, найденные в свое время П. Е. Матвиевским, опубликованы в третьем номере альма-

наха «Гостиный Двор» за 1995 г. Суворов, перед отправлением в погоню за пугачевцами, останавливался у Николая Рычкова и завтракал у него. Иван и Василий Рычковы упоминаются в донесениях Суворова.

Кое-что о последующей жизни Ивана Рычкова можно узнать из его собственноручных записей, сделанных на хранившейся у него копии «Записок» его отца, которая находится сейчас в Государственном архиве Академии наук в Санкт-Петербурге. Из этих коротких записей узнаем и некоторые факты из жизни других членов семьи.

В 1908 г. один из потомков П. И. Рычкова, Константин Иванович, опубликовал «Родословную потомков П. И. Рычкова». В ней часты неточности и расхождения даже с «Записками» самого Петра Ивановича. Однако труд Константина Ивановича, при определенных уточнениях и сравнениях с другими документами, может дать немало ценных биографических сведений. В нем, например, достаточно подробно описана научная деятельность третьего сына П. И. Рычкова, Николая Петровича. Упоминается также, что он женился на крепостной своего отца, «вследствии чего произошли неудовольствия с отцом и Николай Петрович из Саратовской губернии в Оренбургскую не возвращался. Род его продолжается в Саратовской губернии».

О жизни четвертого сына П. И. Рычкова, Василия, из той же «Родословной...» узнаем, что его женой была, предположительно с 1784 г., Надежда Петровна Репьева. Василий описывается (правда, весьма пристрастно) и в мемуарах Г. С. Винского, который был учителем в доме Рычковых.

Петр Иванович Рычков пишет в своих записках и о дочерях... Третьим после Василия и вскоре умершего Петра ребенком Елены Денисьевны была родившаяся в 1754 г. дочь, которую в память о дочке Анисьи Прокофьевны назвали Марией. В 1776 г. отец выдал ее замуж за подполковника Толстого (Г. С. Винский

был впоследствии учителем их сына; к тому времени Мария уже овдовела и жила с матерью и незамужними сестрами).

В 1756 г. у Елены Денисьевны родилась дочь Александра. Около 1778 г. она вышла замуж за крупного уфимского чиновника Н. С. Зубова. А из «Семейной хроники» С. Т. Аксакова мы знаем, что Н. С. Зубов (писатель называет его Н. Ф. Зубиным) — это его родной дед по линии матери, Марии Николаевны Аксаковой (в повести — Софья Николаевна Багрова), дочери Зубова от первого брака. Овдовев, Николай Федорович «года через полтора... усвоился, — читаем мы в главе «Женитьба молодого Багрова», — и влюбился в дочь известного писателя Оренбургского края, тамошнего помещика П. И. Рычкова, и вскоре женился».

Далее перед нами предстает классический, знакомый по сказкам образ злой мачехи. Падчерица «жила в девичьей, одевалась как черная служанка, мыла и чистила детскую, где поселились уже две новые сестрицы». А затем следует трогательное повествование о том, как «в цвете лет, здоровья и красоты» умерла после третьих родов «великолепная Александра Петровна», как перед смертью просила прощения у падчерицы, поручала ей своих детей и «призналась мужу, что все обвинения, взводимые на его дочь, были выдумки и клевета». Мария Николаевна, тогда еще семнадцатилетняя девушка, простила мачеху и взяла на себя все заботы о больном отце, для которого стала сиделкой и секретарем, и о пятерых детях, которых растила и учила. Сын ее, С. Т. Аксаков, рассказывает о своих тетушках, внучках П. И. Рычкова, в воспоминаниях о гимназических годах в Казани, где его молодые тетушки в это время жили у родственников. Что же касается мальчика, их брата, то о нем Сергей Тимофеевич упоминает только один раз, описывая свадьбу своих родителей: «Невесту одевали к венцу. Маленький брат, трехлетний Николенька, которого рожде-

ние стоило жизни его матери, обувал Софью Николаевну по принятому обычаю, разумеется, с помощью горничных». По мнению Г. Ф. и З. И. Гудковых, авторов интересной работы о потомках С. Т. Аксакова, этот внук П. И. Рычкова умер в детстве.

Еще две дочери Рычкова, Наталья (род. 1758) и Елизавета (род. 1759), прожили меньше года. В 1761 г. у него родилась дочь Анна. Судя по «Родословной...» К. И. Рычкова, она не была замужем и умерла в 1846 г.

П. И. Рычков в «Записках» не указал годы рождения трех своих младших дочерей, но назвал их имена: Катерина, Аграфена и Прасковья. Сведения об Аграфене (Агриппине) содержатся в записках Ивана Петровича. Он свидетельствует, что эта его сестра родилась в 1766 г., а умерла в 1809 г. в Бугульме. Из записей также следует, что она была замужем, но фамилия мужа не названа. В «Родословной...» К. И. Рычкова о ней не сказано ни слова, но зато сообщаются некоторые сведения о Прасковье, бывшей замужем за генерал-лейтенантом Тетеревниковым. Здесь упоминается и последняя дочь, умершая девицей, но она почему-то названа Надеждой.

Освещив таким образом кратко жизнь детей П. И. Рычкова, обратимся к его внукам — детям Андрея, Ивана и Василия Петровичей.

Часть 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Аксаковы и Рычковы.

Встречи в литературных произведениях

В январе и феврале 1862 г. в журнале «Библиотека для чтения» был опубликован «Отрывок из семейных записок Рожновых». В конце публикации проставлено: 12 декабря 1860 г. Село Андреевка. И имя автора: Николай Рычков. Это праправнук Петра Ивановича Рычкова, правнук его старшего сына Андрея. В книге П. Е. Матвиевского и А. В. Ефремова «Петр Иванович Рычков» упоминается об этих воспоминаниях, в которых,

по-видимому, достаточно достоверно описана жизнь Андрея Петровича Рычкова и его супруги Фионы Алексеевны, урожденной Роговой.

«Прабабушка... в хозяйстве была, можно сказать, женщина гениальная... Все подчиненные трепетали от одного только ее взгляда... Не только ни одно преступление, но даже оплошность или нечаянность никогда не проходили им даром. Даже дюжий мужик староста испытал не раз полную десницу Фионы Алексеевны...» — пишет правнук Андрей Петрович, женившись, не вышел в отставку: «Отъезды в полк были единственными средствами, которые он употреблял, чтобы, хотя на время, избавляться от своей супруги».

У Андрея Петровича и Фионы Алексеевны был единственный сын Петр, который родился в 1759 г. Описание его детства очень напоминает детство пушкинского Петруши Гринева. Как и Гриневу, его реальному тезке пришлось по приказу отца четырнадцати лет отбыть на военную службу. Только служил он под началом самого отца, полковника, в 1774 г. назначенного комендантом Симбирска.

В том же году, в бою с одним из отрядов Пугачева Андрей Рычков был убит на глазах сына. Фиона Алексеевна, переодевшись мордовской крестьянкой, вывезла тело мужа с поля боя и похоронила. Впоследствии А. П. Рычков был перезахоронен в имении отца с. Спасском.

Петр Андреевич после окончания крестьянской войны вышел в отставку и стал жить с матерью в отцовском селе Савруше. Около 1784 г. он женился на Марии Артамоновне Шахматовой. Жена уговорила Петрушу поступить на статскую службу, и вскоре он стал исправником в Бугуруслане, а через некоторое время — старшим заседателем Бугурусланского уездного суда.

Николай Рычков пишет, что брак деда был очень удачен и продлился более пяти лет. Семейное счастье, однако, омрачалось тем, что дети рождались нежиз-

неспособными и скоро умирали. После пятых родов скончалась и сама Мария Артамоновна, а новорожденная девочка пережила ее только на шесть недель.

Горе Петра Андреевича было так велико, что он стал болеть, через три года по нездоровью вышел в отставку, быстро потерял интерес к жизни и совсем опустился. «Постоянным занятием его было — сидеть зиму и лето перед топившимся камином... и дремать... Из высокого, стройного и красивого лицом мужчины он сделался до безобразия толст, так что с трудом ходил», — пишет Н. Рычков.

Немного утешившись, Петр Андреевич вернулся к деревенским холостяцким развлечениям и не помышлял обзаводиться новой семьей. А матери хотелось внуков, и время от времени она предпринимала попытки женить сына, «но ни одна не удалась: одним из невест не нравилась наружность жениха, другим не хотелось иметь большого мужа, а все, без исключения, не хотели иметь свекровью Фиону Алексеевну».

Внук не упоминает, сколько лет дед был вдовцом, сообщает только, что однажды его уговорили познакомиться с Прасковьей Антоновной Скупинской, дальней родственницей вдовы Петра Ивановича Рычкова Елены Денисьевны. Эта девушка и стала второй женой Петра Андреевича, который вскоре после женитьбы вернулся на службу в Бугуруслан. В Оренбургском областном архиве хранится дело о составлении списков чиновников губернии для включения их в адрес-календарь за 1805 г. В этом списке значится и судья Бугурусланского уездного суда подпоручик Петр Андреевич Рычков. Эта запись относится уже ко времени его второго брака.

«Отрывок из семейных записей Рожновых» Н. Рычкова завершается повествованием о том, как родился, наконец, у Фионы Алексеевны долгожданный внук Андрюша, и как всего год спустя она скончалась. «Мир праху твоему, прабабушка! — пишет правнук. — Ты была одним из ревностных деятелей

минувшего века. Если в тебе и являлись дурные наклонности, то виновато более то время, в которое ты жила. Да не оскорбится тень твоя этими правдивыми строками: в них сохранен образ твой; ты и за гробом можешь быть полезным, назидательным примером настоящему и грядущему поколению».

В Государственном архиве Академии наук в Санкт-Петербурге хранится, как уже упоминалось, копия «Записок» П. И. Рычкова с позднейшими записями его второго сына Ивана, который пишет, что Фиона Алексеевна умерла 25 января 1804 г. Значит, внук ее Андрей Петрович родился в 1803 г. Это был будущий отец автора «Отрывка из семейных записок...»

О дальнейшей судьбе этой ветви рода Рычковых узнаем из «Родословной...» К. И. Рычкова. Константин Иванович пишет, что сыновей у Петра Андреевича было двое: Андрей и Иван. Андрей Петрович «...служил в Оренбургском гарнизонном полку, а также в Кизильском батальоне, вышел в отставку в 1823 г. Был женат на дочери Полкового Есаула Гребеницкова Феодосии Григорьевне; служил заседателем в Бугурусланском уездном съезде. Умер в молодых годах. Он имел сына Николая и дочь Анну».

В Оренбургском областном архиве хранится дело «Об определении в Оренбургское Неплюевское военное училище... Рычкова Николая». Директор училища подполковник Марков рапортует оренбургскому военному губернатору В. А. Перовскому о том, что 14 марта 1839 г. уволенный от службы штабс-ротмистр Рычков (второй сын Петра Андреевича, Иван Петрович) подал прошение об определении племянника Николая, десяти лет, сына умершего подпоручика Андрея Рычкова, в Неплюевское училище и обязуется своевременно вносить деньги за содержание и обучение мальчика. На рапорте — положительная резолюция Перовского.

В «Родословной...» К. И. Рычкова читаем, что из Неплюевского кадетского корпуса Н. Рычков был выпущен в 1848 г.,

служил в Екатеринбурге, затем в Москве, вышел в отставку в 1852 г. В 1855 г., во время Крымской войны, находился в ополчении. Умер в 1866 г.

Автор «Родословной...» и автор «Отрывка из семейной жизни...», скорее всего, двоюродные братья. Константин, по всей вероятности, сын Ивана Петровича Рычкова, который родился в 1806 г., с четырнадцати лет находился на военной службе и женился на своей дальней родственнице, также правнучке Петра Ивановича Рычкова.

Почему же Н. А. Рычков изменил фамилию своих предков, назвав их Рожновыми? Впрочем, многие авторы подобных записок изменяли имена людей, о которых писали, чем задали немало труда современным исследователям. Об этом напоминает встретившаяся вдруг в «Отрывке...» очень знакомая фамилия.

«Соседство села Саврушии, — пишет Н. А. Рычков, — еще увеличилось одним семейством: Багров купил у башкирцев... участок земли на реке Бугуруслан, перевел туда крестьян, построил мельницу и... переехал... в новое поместье село Багрово. Это новое поселение было всего в пятнадцати верстах от Саврушии...»

Упоминается «старик Багров» и на последующих страницах, причем упоминается как недоброжелатель Петра Андреевича, ставший инициатором доноса на бугурусланского исправника Рычкова и обвинения того в лихоимстве. Дело было передано в Уфимский уголовный суд. При этом «Петр Андреевич имел протекцию... в товарище заместителя, коллежском советнике Николае Федоровиче Зубове, который был женат на родной тетке дедушки, Александре Петровне, сестре покойного Андрея Петровича», — пишет Н. А. Рычков. Вероятно, здесь идет речь о двух дедах С. Т. Аксакова. Ведь фамилия Багров известна всякому, кто знаком с его произведениями. Сергей Тимофеевич назвал его деда по отцу — Степана Михайловича.

В третий раз встречается эта фамилия в «Отрывке...» Н. А. Рычкова, когда речь

заходит о вдовстве Петра Андреевича Рожнова. «Приезд в Саврушу соседки Флены Ивановны Нулевской, — рассказывает Н. А. Рычков, — подал идею по-свататься Петру Андреевичу к сестре Тимофея Степановича Багрова, Евгении Степановне». Далее следует пространная характеристика соседки-свахи: «Нулевская была замечательной женщиной во многих отношениях: ей было известно все и везде; даже кто что думал, или только намеревался думать — и уже это было ею рассказываемо с малейшими подробностями всякому встречному и поперечному... Узнав что-нибудь в одном доме, она ехала это рассказывать в другой дом, и так далее до тех пор, пока все соседственные дома были объеханы, а следовательно, и обруганы».

Но эта женщина очень любила сватать, поэтому, вместо того, чтобы изругать семейство Багровых, она стала, наоборот, расхваливать их перед Фионой Алексеевной, и через несколько дней был назначен визит в село Багрово.

«Сильные лошади скоро пробежали пятнадцать верст; речка Бугуруслан с большою уремою по берегам, огромный пруд, заросший густым камышом, быс-

тро показались и остались позади, и наши путники остановились у крыльца большого деревянного дома — жилища Багрова. Целая свита лакеев выбежала на крыльцо, высадила из повозки Фиону Алексеевну, а потом принялась за довольно трудную работу — выгружать полновесного жениха... Но наконец он был вынут и под руки введен на высокую лестницу подъезда. Петр Андреевич и Фиона Алексеевна были приняты очень радушно, по-соседски, как Тимофеем Степановичем, так и всем его семейством... Фиона Алексеевна говорила без умолку, «а вместе с тем и не утускала случая наблюдать за сыном, боясь, чтобы он как-нибудь не вздремнул... Да не углядела маменька! Пошла после обеда поговорить с братом невесты, а сына оставила в зале. Тут он и заснул, громко при этом захрапел».

Но ведь этот смешной эпизод также известен нам по «Детским годам Багрова-внука» С. Т. Аксакова. У маленького Серёжи умер дедушка, и отцу, который в литературных воспоминаниях назван Алексеем, а на самом деле, как мы знаем, был Тимофеем Степановичем, пришлось оставить службу в Уфе и переехать в Багрово (Аксакове), чтобы вести

хозяйство. Однажды в гости приехала соседка с невероятно толстым сыном, свататься к тетушке Татьяне Степановне. Сережа с сестричкой, няней и дядькой Евсеем наблюдали приезд гостей из окна. Толщина жениха потрясла мальчика. Он, видевший недавно, как мать помогала подняться с земли споткнувшемуся отцу, насмешлив взрослых вопросом: «Как же тетенке выйти замуж за этого человека? Она такая сухонькая, а он такой толстый. Она его не поднимет, если он упадет!»

Обо всем этом читаем в главе «Багрово после Чурасова»:

«Эта масленица памятна для меня тем, что к нам приезжали в гости соседи, никогда у нас не бывавшие. Палагея Ардалионовна Рожнова с сыном Митенькой; она сама была претолстая и не очень старая женщина, сын же ее — урод по своей толщине... Палагея Ардалионовна хотела женить своего сына, и они приезжали смотреть невесту... Раздался крик «Едут, едут!»... Сначала подъехала кожаная кибитка, из которой не без труда вытащили двое дюжих рожновских лакеев свою толстую барыню... потом подъехали необыкновенной величины розвальни, в которых глубоко сидело что-то похожее на небольшую калмыцкую кибитку или котну сена. Тут уже двух лакеев было недостаточно. К ним присоединился наш Федор, тетюшкин приданный Николай, а также Мазан и Танайченко. Соединенными силами выгрузили они жениха и втащили на крыльцо.»

А дальше о том, как жених задремал после обеда, как мать его увезла, как после отъезда гостей «много было шуток и смеху, и тетушка объявила, что ни за что на свете не пойдет за такого уроду и увальня...»

Автор же «Отрывка...» далее рассказывает, что хотя Фиона Алексеевна и ругала сына за такое некрасивое поведение в гостях, она не сомневалась в успехе сватовства, и пришла в бешенство, узнав от той же Флены Ивановны об отказе невесты: «Весь род Багровых был обру-

ган, а в самом Тимофее Степановиче открыто столько пороков, что исчислить их нет никакой возможности...»

Сестру свахи, Катерину Ивановну, Н. А. Рычков также описывает на страницах своих записок, описывает как менее талантливую сплетницу, зато более отчаянную пьяницу. Автор называет их девичью фамилию: *Кенлюдовы*. Очень похоже на Неклюдовы, а Неклюдовой была бабушка Аксакова! Откроем опять Аксаковскую «Семейную хронику», главу «Женитьба молодого Багрова». Здесь очень трогательно описана пылкая любовь застенчивого молодого чиновника Алексея Багрова, служившего в Уфе, к дочери коллежского советника Н. Ф. Зубина. Об этой любви узнают в Багрове старшие сестры юноши, и новость им совсем не нравится, такой брак единственного брата их не устраивает. Мать и младшую сестру Танюшу перетянуть на свою сторону легко, а вот как воздействовать на отца, человека крутого, к которому просто так не подступишься? И вот придумали: «одну из родных племянниц Арины Васильевны (бабушки Аксакова. — И. З.), Петюшу дуру, вестовицу и пьяницу, Флену Ивановну Лупневскую, научили приехать будто в гости в Багрово и между прочими рассказками рассказать про любовь Алексея Степановича, разумеется, с самой невыгодной стороны для Софьи Николаевны...» (т.е. Марии Николаевны Зубовой). Флена-Пушка, как называл ее Степан Михайлович Багров (Аксаков), в точности исполняет поручение. Но Багров-дед — мудрый человек, он сразу понимает, что в рассказе правда, а что — глупая и подлая выдумка...

А вот опять «Детские годы Багрова-внука». У Алексея Степановича и Софьи Николаевны уже трое детей. Семья гостит у родственницы Куролесовой (Куролесовой), которая никак не хочет отпускать дорогих гостей домой. И вдруг в Покров день приходит известие о болезни бабушки, Арины Васильевны. Алексей Степанович в отчаянии собирает родителей с малышами отправляются в

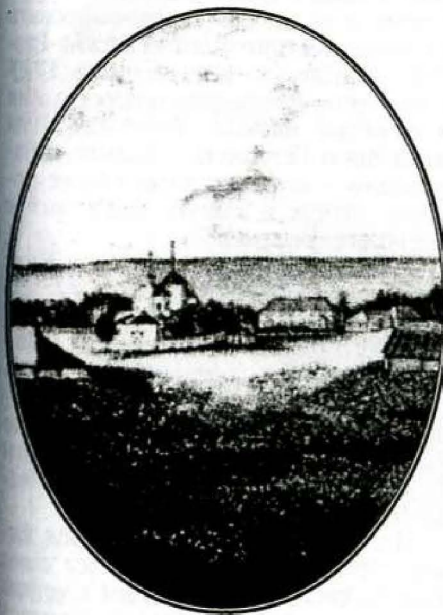
путь, описывается тяжелая, полная опасностей дорога, и вот на седьмой день путники приезжают в село Неклюдово, ко второй племяннице бабушки Катерине Ивановне Кальпинской, и узнают, что бабушка скончалась в Покров, в тот самый день, когда они получили письмо.

Маленький Сережа впервые в жизни видит своего отца в таком глубоком горе. А Катерина Ивановна и ее сестра, уже упоминавшаяся Флена Ивановна, нисколько не думая о чувствах сына, опоздавшего на похороны матери, рассказывают, как она умирала, как тосковала о своем Алешеньке, как без него ее даже не смогли похоронить там, где она просила — рядом с мужем. В конце концов родственницы до крика спорят о каких-то деталях своего рассказа. Ребенок удивительно точно запомнил, а уже взрослый писатель великолепно изобразил знакомую многим картину равнодушия и бестактности людей, которые еще и уверены, будто говорят именно то, что полагается сказать в таком случае!

В старом издании книги «Детские годы Багрова-внука» (ОГИЗ, Чкаловское издательство, 1947 г.) есть указатель лич-

ных имен и названий. Составитель, к сожалению, неизвестен. Здесь указаны все встречающиеся в тексте фамилии и названия сел в авторском и реальном вариантах. Из этого указателя можно узнать, что настоящая фамилия Кальпинских — Калминские, а Лупневской — Лупневская. У Н. А. Рычкова фамилии сестер: Миклинская и Нулевская.

В «Воспоминаниях» Аксакова рассказывается о судьбе младшей из его тетушек по отцу. Здесь писатель называет ее подлинное имя: не Танюша, как в «Семейной хронике», а Евгеша, Евгения Степановна, как и у Н. А. Рычкова. В один из приездов из Казани на каникулы гимназист Сережа застал в доме приготовления к свадьбе. «Евгенья Степановна стужуло уже сорок лет, но она была очень свежа и моложава; ей наскучило жить в дому у невестки и находиться в полной зависимости от хозяйки, которая в старые годы много терпела от своих золовок и в том числе от нее, хотя она была лучше других. Евгенья Степановна захотелось, хоть под старость, зажить своим домком, иметь свой уголок и быть в нем полной хозяйкой. Она выходила замуж за Василия Васильевича Угличина, целый век служившего в военной службе и недавно вышедшего в отставку полковником. Это был человек очень простой, добрый, смиренный и честный; ему было далеко за пятьдесят лет... Четырнадцать лет определили его в военную службу; он служил тихо, исправно, терпел постоянную нужду, не имел никаких знаков отличия, хотя формулярный список его был так длинен и красноречив, что, кажется, должно бы его обвешать всякими орденами... С нежностью описывает Аксаков дальнейшую жизнь тетушки и полковника, брак которых оказался, несмотря на материальные затруднения, очень счастливым. Н. А. Рычков, рассказав о смешном эпи-

Дом в Знаменском (Аксакове), описанный в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова

зоде сватовства, добавляет: «Через короткое время девица Багрова вышла замуж за полковника Гуличина».

Таким образом, известный русский писатель С. Т. Аксаков и отставной офицер Н. А. Рычков, вовсе не считавший себя литератором, писали об одних и тех же людях, причем сходились в оценках этих людей.

«Детские годы Багрова-внука» впервые увидели свет в 1898 г. Н. А. Рычков, вероятно, жил в это время в своем имении. Прочитав произведения Аксакова («Семейная хроника» печаталась в журналах начиная с 1856 г.), он, конечно, узнал соседей своего деда в авторе и персонажах, подумал о хранившихся в семье дедовых записках, вспомнил и наставление знаменитого прапрадеда: знать и хранить историю предков. Решил тоже испытать силы в литературном труде. Писать предстояло о людях, уже упоминавшихся другим автором. Скрывать, что пишет под влиянием этого автора, Рычков считал невозможным, и, видимо, поэтому использовал фамилии, придуманные Аксаковым: Багровы и Рожновы. Другие, менее важные для своего повествования фамилии он немного переделал по-своему. Таким образом, становится ясно, почему автор «Отрывка из семейных записок...» изменил в своем произведении такую славную фамилию предков.

Из текста «Отрывка...» видно, что планировалось его продолжение. Вероятно, ранняя смерть автора помешала завершению талантливого литературного произведения, в котором могла быть описана дальнейшая жизнь толстяка Петеньки, его жены, их сыновей и внуков...

ГЛАВА ВТОРАЯ

За полвека

до отмены крепостного права...

Старший внук П. И. Рыčkова, Петр Андреевич, как мы видели, был талантливо описан С. Т. Аксаковым и собственным внуком. Не менее интересной фигурой представляется и двоюродный брат Петра — Александр Иванович. Отец его

Мария Николаевна Аксакова,
мать писателя С. Т. Аксакова

Иван Петрович, второй сын ученого, в 1788-1795 гг. был бугульминским и бугурусланским предводителем дворянства. Как уже говорилось, у него хранилась копия «Записок» Петра Ивановича, и он делал на ней короткие заметки о жизни членов своей семьи. Записки Ивана Петровича крайне трудно разбирать. В частности, пока не удалось расшифровать до конца сведения о его женитьбе. Разборчиво написана дата: сентябрь 1777 г., чин тестя: артиллерии майор, его имя и отчество: Василий Федорович. Имя жены Ивана Петровича — Елизаветы Васильевны — встречается уже в более поздних записках и в делах, найденных в Оренбургском архиве.

После записи о своей женитьбе Иван Петрович делает следующую:

«Того же года октября 1-го дня скончался дражайший мой родитель Петр Иванович, будучи главным командиром в Екатеринбурге над всеми горными заводами. Тело его перевезено в село наше Спасское». Это село после смерти П. И. Рыčkова перешло во владение Ивана Петровича.

Далее следует запись: «1780 года января 10-го дня даровал нам Бог сына Александра...» Затем, по скудным заметкам отца, можно проследить, как складывалась

карьера молодого человека. С 1797 г. он находился на военной службе. В 1799 г. был произведен в подпоручики. Служил в Санкт-Петербурге, затем в Бресте. Из хранившегося в Оренбургском областном архиве дела о составлении списков чиновников Оренбургской губернии для включения их в адрес-календарь за 1805 г., узнаем, что в это время Александр Иванович Рычков находится уже на статской службе в Оренбургском суде. Списки составлялись в конце 1804 г., а в 1805, как следует из записей Ивана Петровича, «Александр Иванович избран в Бугульминский уездный суд в судьи». В следующем году «при обозрении» гражданским губернатором этого суда, он получает «одобрение» за службу.

По дальнейшим неразборчивым запискам можно только догадываться, что в 1813 г. Иван Петрович был тяжело болен. Вероятно, вскоре он умер. Сын, как становится ясно из архивного дела, пережил его не надолго. Это дело также хранится в нашем областном архиве и называется «О ищущих свободы крестьянах помещика Рыčkова». Из него

мы узнаем, что в 1816 г. «отставной подпоручик Александр Иванов сын Рычков» составил акт, по которому «увольняет он по смерти его собственных своих крестьян, доставшихся ему по наследству после умершего отца его, надворного советника Ивана Рыčkова, 33 души, состоящих Оренбургской губернии Бугульминского уезда в селе Спасском Рыčkovo тож...» Этих крестьян, а также принадлежащие ему земли и леса помещик безвозмездно передавал в казенное ведомство, требуя при этом: «буде останется по смерти его долг, то оный заплачен быть должен из других его доходов». В связи с этим он обязуется никому не продавать этих крестьян и земли и завещает также, чтобы «сии души» после его смерти никогда уже не переходили в частное владение и навсегда остались «либо казенными крестьянами, либо свободными хлебопашцами, как Его Императорскому Величеству благоугодно будет». Пока же он жив, Александр Рычков «предоставляет себе над этими крестьянами полное право помещика», понимая это

право прежде всего как право «подавать в судебные и другие присутственные места просьбы, защищать крестьян по могущим случиться тяжёлым или спорным делам».

Интересны и другие распоряжения, которые Александр Иванович, человек еще молодой, но, видимо, уже серьезно болевший, сделал относительно своего имущества. Винокуренный завод, к тому времени сданный в аренду титулярному советнику Чернову, владелец завещает продать, а деньги «употребить на поправление церкви Божией». «Находящейся у него во услужении города Бугульмы девице Наталье Степановой» завещается 200 пудов ржаного и 100 пудов разного сорта ярового хлеба из того, что останется после смерти хозяина, «поелику он ей в прочем его имении учинил духовное завещание». Упоминается также, что «если она пожелает завещанный ей дом и строение переехать и поставить в городе Бугульме, то сие учинить увольняемым им крестьянам».

Документ, в котором Александр Рычков выразил свою волю, был представлен им в Бугульминский уездный суд для утверждения, а затем, видимо, переслан в губернское управление с тем, чтобы далее отправить его в министерство. Однако в мае того же года оренбургский предводитель дворянства Пекарский, рассмотрев акт, вернул его завещателю, поскольку при его оформлении не были соблюдены необходимые требования. Можно только догадываться, почему человек, сам служивший в суде, проявил такую профессиональную небрежность. Догадки различных должностных лиц мы и находим в материалах архивного дела. Либо, «будучи одержим бесперывной болезнью», не имел он сил думать о юридических тонкостях, либо, наоборот, «получив от болезни облегчение», считал, что у него еще есть для этого время, но в любом случае завещатель, скорее всего, был уверен, что собственноручно подписанный им и засвидетельствованный в суде акт, копия с которого вручена крес-

тыанам, имеет уже законную силу...

Как бы там ни было, а требовавшихся от него исправлений и дополнений Александр Иванович не внес. Прожил он после этого ровно два года. 8 марта и 2 апреля 1818 г. от имени его людей дворовый человек Дмитрий Иванов и крестьянин Трофим Захаров присылают прошения оренбургскому губернскому прокурору, в которых извещают о смерти своего помещика в минувшем феврале и о его последней воле. А 24 июня того же года в Оренбургскую гражданскую палату поступает прошение капитана Жмакина, свидетельствующего, что бывший с ним в тесной дружбе Александр Рычков за неделю до смерти вручил ему акт, «учиненный им 1816 года февраля в 13-й день, в Бугульминском уездном суде 17-го числа того же февраля утверждённый, на увольнение крестьян своих». При этом умиравший «словесно просил Жмакина убедительнейшим образом», чтобы тот в случае смерти друга «постарался привести к окончанию дело» и «не оставил тех крестьян». Капитан Жмакин отмечает, что должен был дать ход делу еще в феврале, но не смог этого сделать из-за собственной болезни.

Однако родственники Рычкова с решением Александра Ивановича никак не могли согласиться. Старшего из двоюродных братьев, Петра Андреевича, уже не было в живых. Жена его Прасковья Антоновна осталась с двумя сыновьями, Андреем и Иваном, которым в 1818 г. было пятнадцать и двенадцать лет. Семья Василия Петровича, его сыновья Петр и Николай, и при жизни отца, и после его смерти имели множество долгов. Разумеется, они считали себя законными наследниками двоюродного брата и не могли спокойно относиться к тому, каким образом тот распорядился своим имуществом.

6 сентября 1818 г. в Бугульминский уездный суд поступило прошение от губернского секретаря Петра Рычкова (Петра Васильевича) «от себя и по доверенностям брата майора Николая и

снохи подпоручицы Прасковьи Рычковых». В прошении говорится, что написанный родственником акт не был оформлен надлежащим образом, а потому не имеет никакой законной силы. Имение, за вычетом седьмой его части, которая была завещана еще Иваном Петровичем жене, Елизавете Васильевне, должно быть разделено между Петром и Николаем Васильевичами и детьми Петра Андреевича.

Дело дважды слушается в суде. 10 сентября 1819 г. суд, в котором, по всей видимости, заседали люди, хорошо знавшие завещателя, решает по всем пунктам выполнить его волю. Оренбургский губернский прокурор соглашается с этим решением. Однако 23 марта 1820 г. вышеупомянутые родственники покойного подают апелляционную жалобу в Оренбургскую гражданскую палату. В жалобе говорится, что Александру Рычкову сообщалось о необходимости исправлений в документе, но он, проживший после этого целых два года, так и не сделал их, поэтому родственники считали его акт уничтоженным...

Не потому ли Александр Иванович и не стал «дорабатывать» свое завещание, что знал о недовольстве родных и не хотел с ними ссориться? Видно, надеялся на друзей, которые после его смерти позаботятся о том, чтобы его желание было выполнено. Однако дело осложнялось еще и тем, что помещик распорядился не только своими крестьянами, но и частью земли, пожалованной за службу деду, Петру Ивановичу, «в вечное потомственное владение». Имел ли он право раздаривать земли, принадлежащие семье? — спрашивали родственники.

27 июля 1820 г. Оренбургская гражданская палата решает вопрос в их пользу. Но «на сие решение» оренбургский губернский прокурор, коллежский советник Василий Никопольский 11 сентября 1820 г. присылает жалобу в Правительствующий Сенат. Разбирательство дела Сенатом продолжалось целых три года. Оно направлялось для изучения Министерству Финансов, и тот уже в декаб-

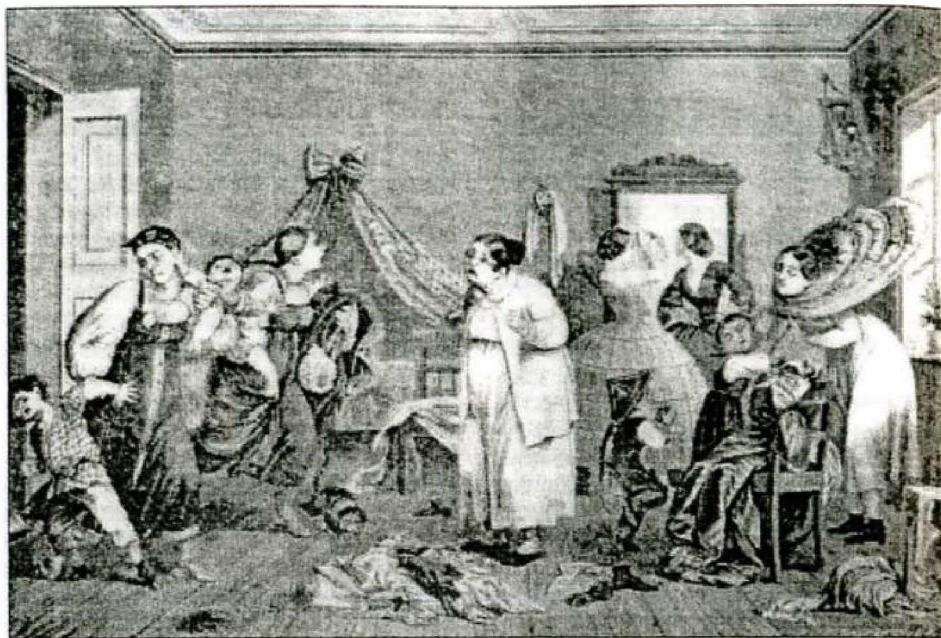
ре 1821 г. в рапорте Сенату выражает свое мнение: акт Рычкова является законным, хотя в нем и не соблюдены все правила отпуска крестьян на волю. Ведь он их, собственно, и не отпускал, а предоставлял Государю Императору решать, быть его крепостным вольными хлебопашцами или казенными крестьянами.

Что же касается родового имения, то дарить его чужим людям не имеет права только тот помещик, у которого есть дети и внуки. Но Александр Рычков таковых не имел, посему волен был дарить свою землю кому заблагорассудится, и у его родственников остается возможность только выкупить ее.

Наконец, в 1822-1823 гг. дело слушалось в Государственном Совете. Четырнадцать членов Совета высказались за уничтожение акта. Четыре человека требовали утвердить акт и дать крестьянам вольную. Трое также признавали акт законным, но крестьян причисляли к казенным поселанам. Только один член Совета полагал нужным освободить крестьян и дать им право самим выбирать, быть причисленным к казенным поселанам или к вольным хлебопашцам. Однако землю, по мнению этого члена Совета, следовало оставить во владении казенных наследников.

Окончательно решить вопрос должен был Государь Александр Павлович. Какова же была его резолюция? Он поддержал меньшинство! «Мнение в Общем собрании Государственного Совета, восемью членами принятое... высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить. При чем Собственною Его Императорского величества рукою написано так:

«Неоспоримо, что формы не соблюдены, и если бы неясность существовала насчет намерения помещика уволить сих крестьян, то всеконечно следовало бы остановить исполнение сего дела. Но воля помещика не подлежит сомнению. Посему нахожу я, что сурово будет препятствовать улучшению участи сих людей единственно за несоблюдение форм, и соглашаюсь с мнением восьми членов, предоставляя крестья-

нам избрать самим, в свободные ли хлебопашцы записаться или в казенные поселяне».

Я решилась привести здесь такую обширную цитату из материалов дела потому, что подумала: как часто и теперь «препятствуют улучшению участи людей единственно за несоблюдение форм».

И еще одна цитата, на этот раз из «Родословной...» К. И. Рычкова:

«Александр Иванович... завещал 3000 десятин своим крестьянам... освободив их притом от крепостной зависимости. В память о нем около села Спасского несколькими стариками основан монастырь во имя Александра Невского, для чего крестьянами пожертвовано несколько десятин земли».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Должник Государя Императора

Вернемся к судьбе Василия, младшего сына Петра Ивановича Рычкова. Первенец Елены Денисьевны, второй жены ученого, Василий Петрович родился в 1753 г. и был только на шесть лет

старше своего племянника Петра Андреевича, с которым, как свидетельствует внук последнего Николай, его связывала большая дружба. Как упоминалось выше, Василий Рычков учился в Московском университете, затем служил в армии. Г. С. Винский в своих воспоминаниях изображает его как вспыльчивого, тщеславного и неумного, хотя и незлого человека. Скорее всего, это не совсем так.

Вот что пишет о своем прадеде Василии Петровиче К. И. Рычков, автор постоянно цитируемой нами «Родословной потомков П. И. Рычкова»: «Василий Петрович... владел селом Богоявленским (Сула тож) в Бугульминском уезде. Был женат на Надежде Петровне Ретьевой, служил бугульминским и бугурусланским уездным предводителем дворянства, а также кандидатом губернского предводителя с 1792 по 1798 г.»

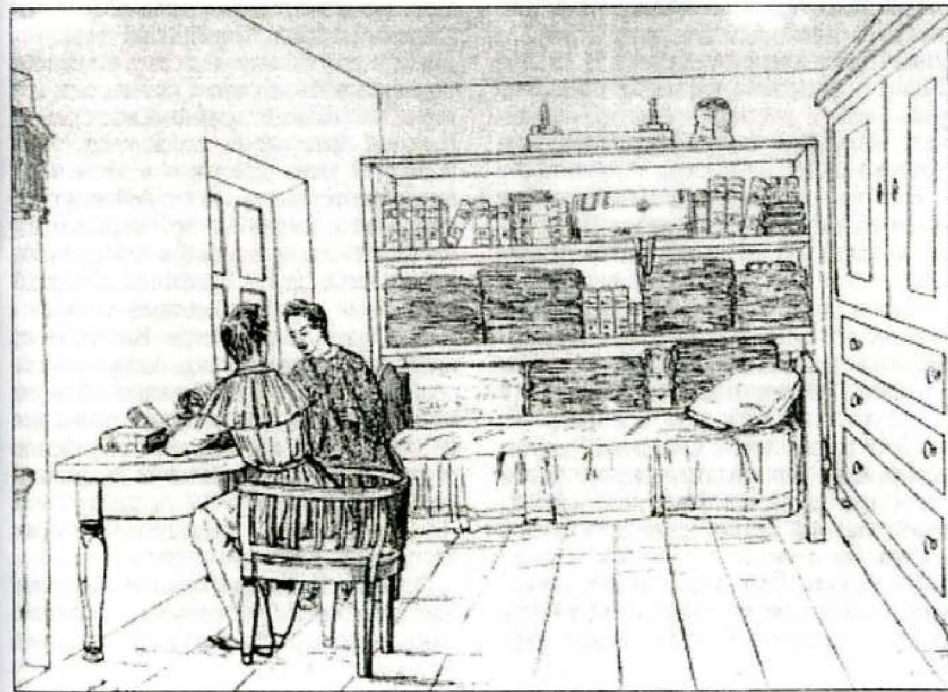
В Оренбургском областном архиве обнаружено несколько дел, связанных с жизнью Василия Петровича и его семьи. Обратимся к делу 1805 г. о награждении надворного советника В. П. Рычкова орденом Св. Владимира. Из форму-

лярного списка явствует, что Василий оставил военную службу в чине секунд-майора в 1777 г. и был «определен директорским помощником к ахтубинским казенным шелковым заводам». В 1785 г. он становится коллежским ассессором и прокурором в Саратове, затем, в 1786 г., в Уфе. В 1788 г. «уволен от должности по болезни». К 1805 г. «четвертое уже трехлетие» является предводителем дворянства Бугульминского и Белебеевского уездов.

В деле имеется документ, в котором Василий Петрович сообщает о своих детях. Старший сын, Николай, восемнадцати лет, служит в это время архивариусом в Государственной Иностранной коллегии. Вообще-то, как будет видно ниже, Николай Васильевич был офицером. Вероятно, по каким-то причинам он в этот момент еще находился на гражданской службе, хотя и закончил военное учебное заведение. Остальные дети Василия Петровича «Петр 15-ти лет и Анна 14-ти лет находятся при отце и продолжают заниматься разными науками».

Из документов этого дела можно сделать вывод о благополучии семьи. Возможно, в 1805 г. так и было. Из других архивных дел узнаем, что через какое-то время Василий Петрович окончательно вышел в отставку и до самой смерти пытался заниматься винокурением. Два винокурных завода унаследовал он от отца, которому это дело не приносило большого успеха. Сам же Василий Петрович не только не получал от своих заводов существенного дохода, но, более того, постепенно и неуклонно разорялся. Кстати, следует отметить, что винокурным заводом в селе Спасском владел и племянник Василия Петровича Александр Иванович, тот самый, который в 1818 г. освободил от крепостной зависимости своих крестьян. Из архивного дела следует, что этот завод после смерти хозяина был продан, а деньги использованы на нужды церкви. Возможно, купил этот завод Василий Петрович или его семья.

Есть в нашем архиве и еще одно дело, 1815 г., связанное с этим заводом, — о ссоре Александра Ивановича с сосед-

ким крестьянином. По поручению своего хозяина этот крестьянин приехал к А.Рычкову и потребовал с него деньги, взятые в долг на покупку хлеба для винокурения, причем не хотел брать денег в ассигнациях, и тогда Александр Иванович попросту вытолкнул его в шею. В самом деле, видно, вспыльчивы были Рычковы, а очень богаты никогда не были...

Возвращаясь к Василию Петровичу, отметим, что особенно разорительным был для него контракт о поставке вина в питейные заведения казанского купца Евреинова. Обнаружено четыре архивных дела, посвященных тяжбам Рычкова и Евреинова. Эти дела свидетельствуют о том, что условия контрактов постоянно нарушались обеими сторонами, однако, видно, купец был хитрее, и виноватым все время выходил Василий Петрович. В личных и официальных письмах — то самому Евреинову, то в суд, то знакомым чиновникам — Рычков оправдывается, ссылается на неурожай, ветхость оборудования заводов, недостаток средств, собственную старость и слабость... Первый контракт был заключен в 1810 г., а в следующем году уже началась тяжба. Тем не менее в 1812 г. заключается второй контракт. В 1815 г. Василий Петрович подал прошение о расторжении очередного контракта. Однако Евреинов подал встречный иск, требуя возвращения долга.

Еще три архивных дела заведены в связи с взысканием с Василия Петровича, а затем и с его наследников денежных долгов. Из этих дел видно, что в долги он стал входить, начиная с 1812 г. Именно из этих тяжёбных дел устанавливается (приблизительно) год смерти Василия Петровича: между 1816 и 1819 гг., вероятнее всего, в 1818 г. Умер он, оставив своим детям множество долгов, которые не мог уплатить, несмотря на все старания. И судебные дела, связанные с этими долгами, также достались в наследство детям...

Детей, как уже упоминалось, было трое. Вот что пишет о старшем из них в своей «Родословной...» один из потомков

— Константин Иванович Рычков: *«Николай Васильевич... воспитывался в школе гвардейских юнкеров, служил в Кавалергардском полку, был переведен в Сумской гусарский полк и состоял адъютантом при генерал-лейтенанте князе Репнине... Николай Васильевич... был светски образован, имел общительный характер, любил развлечения и хорошо пожить».* Здесь же сообщается о том, что генерал Репнин в 1814 г. сопровождал в заграничном путешествии великих князей Николая и Михаила Павловичей. Н. В. Рычков, в ту пору состоявший при Репнине, был в этом путешествии, и во время его, во-первых, продолжал великому князю Николаю 15 000 руб., а во-вторых, женился на Вильгельмине Васильевне Фон-Нотбек, дочери сотрудника русского посольства при Саксонском дворе. После женитьбы Николай Васильевич вернулся в Оренбург и еще некоторое время находился на военной службе. Губернатором края тогда был Г. С. Волконский, с которым у Николая Васильевича, по-видимому, были неплохие отношения. К.И.Рычков утверждает, что его предок *«в чине подполковника командовал Тетярским Башкирского войска полком в г. Стерлитамаке, Оренбургской губернии».* Однако из материалов нашего архива следует, что Николай Васильевич командовал этим полком в чине майора, и в этом чине вышел в отставку в 1819 г. Вероятно, он сделал это вскоре после смерти отца, чтобы начать приводить в порядок хозяйственные дела. Поселился Николай Васильевич в отцовском имении Суле.

О втором сыне, Петре Васильевиче, подробных сведений нет. Автор «Родословной...» пишет о нем только, что он воспитывался в 1-й Казанской гимназии. В связи с этим мы сделаем отступление от рассказа о семье Василия Рычкова и еще раз обратимся к С. Т. Аксакову, к его «Воспоминаниям», посвященным отроческим и юношеским годам.

Первый гимназический год в Казани был для Сережи не слишком удачным. Учился он хорошо, но тоска по дому,

по матери, усугубленная непривычным многолюдством и казенной обстановкой, была непосильной. Он заболел. Родители забрали его на год домой, выходили и стали думать, как устроить жизнь и учебу сына вдали от дома. Посоветовались с главным надзирателем гимназии В. П. Упадышевским. *«Упадышевский, — вспоминает С. Т. Аксаков, — очень хвалил двух старших учителей, поступивших уже давно в гимназию из Московского университета: Ивана Игнатьича Запольского, преподававшего физику, и Григорья Иваныча Карташевского, преподававшего чистую математику... Они были дружны между собой, жили вместе... и держали у себя семерых воспитанников, своекоштных гимназистов: Рычкова, двух Скуридиных, Ах-ва и троих Манасеиных; содержали их очень хорошо и прилежно наблюдали за их учением в классах».*

Из текста далее следует, что трое первых мальчиков были старше и их воспитанием занимался Г. И. Карташевский. Младшие жили у Запольского. К ним присоединился и Сережа Аксаков. Однако часто на попечении Карташевского оставались все восемь учеников, так как его коллега был в это время очень занят делами личного характера. Таким образом прошел год. Вернувшись осенью 1802 г. после каникул, Сережа Аксаков и братья Манасеины некоторое время жили у Г. И. Карташевского, а затем переехали на квартиру, которую нанял женившийся И. И. Запольский. Воспитанники Карташевского — Рычков и Скуридины — уже не жили у своего воспитателя, их, по-видимому, к тому времени забрали из гимназии. Петр Васильевич Рычков, как свидетельствуют послужные списки его отца, был на год или на два старше С. Т. Аксакова. Скорее всего, именно о нем идет речь в воспоминаниях последнего.

Еще через год Г. И. Карташевский, уступив просьбам матери Аксакова, согласился жить вдвоем с ее сыном и руководить его образованием, несмотря на то,

что решил было ограничиться чтением лекций, а все остальное время посвящать науке. Они жили вместе до 1806 г., до отъезда Карташевского в Петербург. Однако десять лет спустя их отношения не только восстановились, но и стали родственными, поскольку любимая сестра Аксакова Надежинька, к тому времени овдовевшая, стала женой Карташевского.

14 февраля 1805 г. на базе Казанской гимназии открылся университет. Карташевский и Запольский были одними из его первых преподавателей, а Сергей Аксаков — одним из первых студентов. Петр Рычков, как мы уже знаем, в это время *«продолжал заниматься разными науками»* дома. В архивном деле 1818 г. он упоминается как губернский секретарь.

К. И. Рычков в своей «Родословной...» пишет еще, что Петр Васильевич был *«женат на Ногаевой, детей не имел. Часть его имения в селе Спасском, по смерти его жены, досталась ее племяннице Любови Ивановне Хирьяковой, по мужу Малокиенко».*

На последней странице хранящегося в Государственном архиве Академии наук в Санкт-Петербурге экземпляра «Записок» П. И. Рычкова написана эта фамилия: *Малокиенко Николай Яковлевич*. Вероятно, члены этой семьи, не являвшиеся прямыми потомками П. И. Рычкова, сохранили и передали в архив некоторые его семейные документы.

Дочь Василия Петровича, Анна Васильевна, была, как видно из материалов Оренбургского областного архива и как свидетельствует К. И. Рычков, замужем за бутульминским помещиком, отставным корнетом Федором Порфирьевичем Никулиным. Они имели семерых детей.

Вернемся теперь к Николаю Васильевичу. Отнюдь не следует думать, будто *«любитель хорошо пожить»* задолжал в своей жизни только великому князю. В Оренбургском архиве найдено несколько дел, связанных с долгами майора Рычкова. Длинный список людей, которым он должен, кочует из одного дела в другое. Долг составляет в общей сложности

сти около 20 тысяч, причем судятся с Рычковым лишь немногие кредиторы, самые бедные. Остальные, скорее всего, простили ему эти долги, не надеясь их когда-либо с него получить.

Что же касается долга великому князю, о котором упоминает К. Рычков, то, вероятно, именно с этим долгом связано «Дело о взыскании денег, заплаченных из кабинета Его Императорского Величества саксонскому банкиру Бассанжу». Несколько военнослужащих в 1814 г. во время того самого путешествия великих князей, когда Н. В. Рычков был адъютантом генерала Репнина, заняли у этого банкира различные суммы с процентами. Эти долги были оплачены за счет кабинета Его Величества по Высочайшему указу в 1819 г. Видимо, великий князь Николай Павлович ходатайствовал за знакомых офицеров, которые таким образом сделали должниками царской канцелярии. Долг Н. В. Рыčkова составлял не 15, а 18 тысяч 972 рубля и две копейки.

В какое же положение попал Николай Васильевич? Собственных долгов на срок тысяч и более чем на 16 тысяч долга покойного отца! Тяжба с купцом Евреиновым продолжается и после смерти Василия Петровича. А начиная с 1820 г. уже и свои кредиторы требуют возвращения денег...

А каково было в это время состояние родственников? Еще из одного архивного дела мы знаем, что в 1817 г. уже не было в живых старшего из внуков П. И. Рыčkова — Петра Андреевича. Его жена, Прасковья Антоновна, осталась с двумя малолетними сыновьями, Андреем и Иваном. Дом ее в Оренбурге ушел с молотка за долги. Оренбургское губернское правление признало продажу незаконной, но сам этот факт кое-что говорит о материальном положении семьи.

В 1818 г. умер другой двоюродный брат Николая Васильевича, Александр Иванович. Он не оставил законных детей, и, видимо, кузены надеялись получить хоть небольшое наследство. Одна-

Вид мельницы на реке Бугуруслан, описанной в «Семейной хронике»

ко Александр Иванович решил, как мы знаем, дать своим крестьянам вольную и оставил завещание, по которому им отходила принадлежавшая ему земля. Все остальное имущество было завещано на нужды церкви и некоей девице Степановой... Родственники не поняли благородства Александра Ивановича и несколько лет судились с его крестьянами, пытаясь, как говорится, вернуть свое. Наверное, зная обстоятельства их жизни, не стоит их слишком строго осуждать. Эта тяжба окончилась не в их пользу.

В 1820 г. имение покойного Василия Петровича было взято в опеку. Опекушей была назначена вдова, Надежда Петровна. Однако через два года она по-своему усмотрению распорядилась полученным за год доходом, чего не имела права делать. Вместо того чтобы представить этот доход в уплату долга по суду, она стала возвращать из него какие-то личные долги мужа. Тогда ее от опеки отстранили, и наследникам Василия Петровича был запрещен даже въезд в их имения. Это произошло в 1824 г. В том же году Надежда Петровна умерла.

Самое объемистое дело, связанное с тяжбой В. П. Рыčkова с Евреиновым, содержит документы, датированные 1817-1830 гг. Из них можно узнать многое. Например, что дочь Василия Петровича, Анна Васильевна Никулина, выходя замуж, ничего не получила от отца. В 1819 г., видимо, после его смерти, мать и братья выделили ей 67 душ крестьян и 2000 десятин земли. И вот в 1825 г. Анны уже нет в живых, а все имение Василия Петровича в опеке, и братья просят оставить часть, выделенную в свое время сестре, во владении ее малолетних детей. Напомню, что их было семь или даже восемь.

Встречаются в деле и документы, связанные с приездами в имение членов семьи Николая Васильевича. Однажды там застали его тещу и семилетнюю дочь Зинаиду. В другой раз по пути из Петербурга в господском доме вынуждена была остановиться его заболевшая жена

Вильгельмина Васильевна с обеими дочками, Зинаидой и Софьей. В этих случаях немало бумаги уходило на оправдания. Женщинам приходилось доказывать, что, остановившись на время в доме, они пользуются только жильем, только по необходимости, и не входят в какие бы то ни было хозяйственные распоряжения...

В 1826 г. Николай Васильевич подает новому императору прошение об освобождении его и брата от уплаты долгов отца. К тому времени он уже пять лет пытался доказать, что его отец не был виновной стороной в конфликте с купцом Евреиновым. И новый император, Николай Павлович, знавший Николая Рыčkова в бытность свою великим князем, в конце концов просьбу удовлетворил. Наследники Рыčkова были освобождены от ответственности по этому делу, и опека с их имений была снята. Но произошло это только в 1830 г. Последний документ дела датирован девятым сентября. Неизвестно, успел ли узнать об этом сам Николай Васильевич. Как свидетельствует Константин Рычков, в том же 1830 г. он умер от холеры в Петербурге, куда поехал навестить сына Дмитрия, воспитывавшегося в артиллерийском училище.

А о судьбе самого большого из личных долгов Н. В. Рыčkова — долга самому государю — мы узнаем из уже упоминавшегося дела о деньгах, заплаченных саксонскому банкиру из кабинета Его Императорского Величества. Это дело было начато в 1821 г. Из него ясно, что в 1826 г. денег еще «нисколько в уплату не поступало». В следующем году решено было вычитать у Рыčkова в счет долга половину назначенной ему при отставке пенсии (900 руб.). Однако жить Николаю Васильевичу оставалось уже недолго, и он так и умер, оставшись должен его Императорскому Величеству 17620 руб. 80 коп. В начале 1831 г. по прошению вдовы Николая Васильевича Император распорядился списать этот долг и не взыскивать с наследников...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Припрятать в карман свои дворянские замашки...»

Переходим к следующему поколению мыи Рычковых: к правнукам ученого. У Николая Васильевича, о котором говорилось в предыдущей главе, было трое детей: сын Дмитрий и дочери Зинаида и Софья. О Дмитрие Николаевиче мы знаем, что он воспитывался в артиллерийском училище. В 1833 г. известный учитель Г.С.Карелин в одном из писем из Берлина в Оренбург жене пишет о молодых оренбургских знакомых, обучающихся в столице. Упоминает он и Рычкова, характеризуя его словами «лавный, умный и основательный мальчик». Поскольку в неоднократно цитировавшейся здесь «Родословной...» И. Рычкова ничего не говорится о каких-либо других родственниках, обучающихся в это время в Петербурге, вероятно, Карелин имеет в виду именно Дмитрия Николаевича. В «Родословной...»

о нем сказано, что после окончания лицея Дмитрий Николаевич не стал служить в армии, поскольку посчитал необходимым заняться делами своего имения. Поселившись там, он вскоре женился на дочери казанского помещика Ере Александровне Ростовской. Далее сообщается, что Д.Н.Рычков несколько лет был бугульминским предводителем дворянства, а кроме того, членом Самарского комитета по устройству быта помещичьих крестьян вместе с Ю.Ф.Самариным. Упоминается также, что именно в Самарской губернии впервые было открыто земство, и Дмитрий Рычков был сразу избран председателем бугульминской земской управы.

Одна из сестер Д. Н. Рычкова, Зинаида Николаевна, вышла замуж за капитан-лейтенанта Егора Степановича Мертваго, потомка тех самых Мертваго, о которых С. Т. Аксаков пишет как о друзьях своих родителей. Об этой семье подробно написано в книге Г. Ф. и З. И. Гудковых «С. Т. Аксаков. Семья и окружение».

Вторая сестра, Софья Николаевна, по-

видимому, старшая из детей Николая Васильевича, вышла замуж за своего троюродного брата, Ивана Петровича Рычкова. Напомним, что старший из внуков А. И. Рычкова, Петр Андреевич, умер предположительно в 1815 г., оставив двух несовершеннолетних сыновей, Андрея и Ивана. Андрей служил в армии, рано вышел в отставку, умер молодым. У него было двое детей, один из которых, Николай, был автором знакомых нам мемуаров: «Отрывок из семейной жизни Рожновых».

Брат Андрея, Иван Петрович, родившийся в 1806 г., также был военным. Из «Родословной...» К. И. Рычкова узнаем, что И. П. Рычков участвовал в нескольких сражениях и имел ордена за отличие. В отставку вышел в 1832 г. и вскоре женился на С. Н. Рычковой. Из архивного дела 1839 г. видно, что он принимал участие в судьбе детей покойного брата, в частности, устраивал племянника Николая на свой счет в Неплюевское училище.

Своих детей у Ивана Петровича и Софьи Николаевны было девять. Судя по всему, старшим из них был Константин, которому мы обязаны «Родословной...», хотя ее автор никогда не пишет о себе в первом лице и не объясняет непосредственно, кто были его родители.

Из «Родословной...» известны также годы жизни И. П. Рычкова — 1806-1868, и то, что он два трехлетия служил бугурусланским предводителем дворянства и был избран в 1860 г. в Самарский комитет по устройству быта помещичьих крестьян — также, как и его родственник Дмитрий Николаевич.

Но вот архивное дело, познакомиться с которым мне посоветовала сотрудница Елизавета Георгиевна Вертоусова. Это дело относится к 1859 г., и название его совершенно не вяжется со сложившимся уже впечатлением об этом потомке П. И. Рычкова. Дело называется «О командировании в Самару генерал-адъютанта Ладьженского по обвинению Бугурусланского предводителя дворянства Ивана Петровича Рычкова в буй-

стве с будочниками». Открывая эту папку, я ожидала найти сведения о каком-то забавном эпизоде, связанном с «фамильными чертами» Рычковых (как мы уже могли убедиться, многие из них были людьми весьма самолюбивыми и вспыльчивыми). Однако все оказалось намного серьезнее, чем я предполагала. И чтобы разобраться во всех обстоятельствах, я обратилась к другому источнику — опять-таки благодаря Е. Г. Вертоусовой. Речь идет о книге И. П. Кречетовича «Крестьянская реформа в Оренбургском крае», изданной в 1911 г.

Протоиерей Иосиф Кречетович — преподаватель Саратовской духовной семинарии, член Оренбургской и Саратовской архивных ученых комиссий. Книга написана по материалам архивов Оренбурга и Самары и дает яркое представление о той многотрудной работе русских государственных деятелей, которая предшествовала освобождению крестьян от крепостной зависимости. Уже на первой странице мы встречаем сразу несколько знакомых имен. Среди людей, «с честью трудившихся» по подготовке крестьянской реформы в нашем крае, автор называет, например, Григория Сергеевича Аксакова (сына писателя) и Уральского наказного атамана А. Д. Столыпина (отца П. А. Столыпина).

Самарская губерния относилась в этот период к Оренбургскому краю. Кречетович пишет, что оренбургский и самарский гражданские губернаторы Е. И. Барановский и К. К. Грот были одними из очень немногих губернаторов, горячо сочувствовавших крестьянской реформе. А генерал-губернатор края А. А. Катенин, которому они подчинялись, в свою очередь, считал «великим счастьем участие в крестьянском деле». Как сторонник реформы упоминается и управляющий канцелярией Катенина Адам Антонович Арцимович.

Вот что пишет далее Кречетович о положении дел, связанных с крестьянским вопросом в Самаре:

«Самарский губернский предводитель дворянства был едва ли не одним из

ярких крепостников и во всяком случае ничем не обнаруживал своего расположения к реформе... Причину благополучного и скорого начала дела по обсуждению в Самарской губернии крестьянской реформы надо видеть в энергичном защитнике реформы тогдашнем Самарском губернаторе К. К. Гроде. Ему именно обязана Самарская губерния тем, что в числе ее деятелей... появился Юрий Федорович Самарин, создавший славу комитету».

Ю. Ф. Самарин (1819-1876) широко известен как участник подготовки и проведения крестьянской реформы. В работе Кречетовича упоминаются и два его брата, трудившихся одновременно с ним в других губернских комитетах по устройству быта помещичьих крестьян: Дмитрий Федорович в Рязани, а Петр Федорович в Туле.

Самарский комитет был избран 5 июня 1858 г. Перечисляя его членов, Кречетович упоминает выбранного по Бугульминскому уезду «артиллерию прапорщика Дмитрия Николаевича Рычкова» и по Бугурусланскому уезду — «местного уездного предводителя дворянства Ивана Петровича Рычкова». На последующих страницах книги, описывая деятельность Самарского комитета, автор предупреждает, что не следует путать этих господ, поскольку позиции их почти по каждому обсуждаемому вопросу были прямо противоположными. Если имя Дмитрия Николаевича постоянно в ряду первых единомышленников Самарина, то Иван Петрович — лидер крепостнического большинства в комитете.

Ю. Ф. Самарин был назначен в состав Комитета от правительства. В книге приводится его письмо друзьям. С юмором, который вряд ли мог понравиться некоторым, Самарин рассказывает о торжественном открытии комитета, происшедшем 25 сентября (на следующий день И. П. Рычков был избран его председателем): «...по отслужении молебна о ниспослании свыше света разуму в дворянские головы, представляющие совершенно к тому приспособленные вме-

тилища, — произнесено начальником губернии приличное слово, в коем его превосходительство изъяснить изволили, что хотя-де дворянство и есть одна сторона, но поручено ему Всемилостивейшим Государем определить отношение числа обеих заинтересованных в деле сторон, т.е. как дворян, так и крестьян, в том чаянии, что почтенное дворянство изволит на ту пору припрятать в карман свои дворянские замашки и помещичьи попользования.

На сие предстоящие только промывчат: Гм... зм...»

А вот как характеризовал положение дел в Комитете генерал-губернатор А. А. Катенин в одном из писем Министру Внутренних Дел С. С. Ланскому:

«Члены оного разделились на две совершенно противоположные партии, из коих первая... стремилась достигнуть действительного улучшения быта крестьян, между тем как вторая, руководствуясь понятиями уже несовременными, замедляла ход дела». Главой первой партии Катенин называет Самарина, второй — И. П. Рычкова.

Уже к концу осени 1858 г. разногласия между партиями дошли, по выражению И. Кречетовича, до «крупных беспорядков, задержавших на время ход комитетских суждений по крестьянской реформе». В частности, у И. П. Рычкова возник конфликт с делопроизводителем Бабкиным. Эта ссора, в ходе которой Бабкин даже пытался вызвать Рычкова на дуэль, приняла более широкий характер. «Партия Самарина» обвиняла Ивана Петровича в грубости, а сторонники Рычкова защищали последнего, допуская по ходу дела новые оскорбления своих противников. Катенину пришлось лично выехать в Самару. Ему удалось уладить конфликт, добившись взаимных извинений...

Вот что он писал по этому поводу Министру Внутренних Дел:

«По моему убеждению не могу не сочувствовать членам первой партии, в числе коих занимает первое место коллежский советник Самарин, человек

весьма образованный и основательно приговорившийся к суждениям о крестьянском вопросе; это, так сказать, осязательное превосходство его, внутренне сознаваемое членами второй (противной) партии, служит причиною некоторых неуместных со стороны их выходов, оправдываемых отчасти слабостью, сродною более или менее многим, чье страдает самолюбие».

Государь Александр Николаевич одобрил действия Катенина «по водворению порядка в Самарском Комитете» и повелел оставить инцидент без последствий. Однако в Оренбургском областном архиве хранится дело, которое рассказывает о том, что эти «беспорядки» имели неожиданное продолжение.

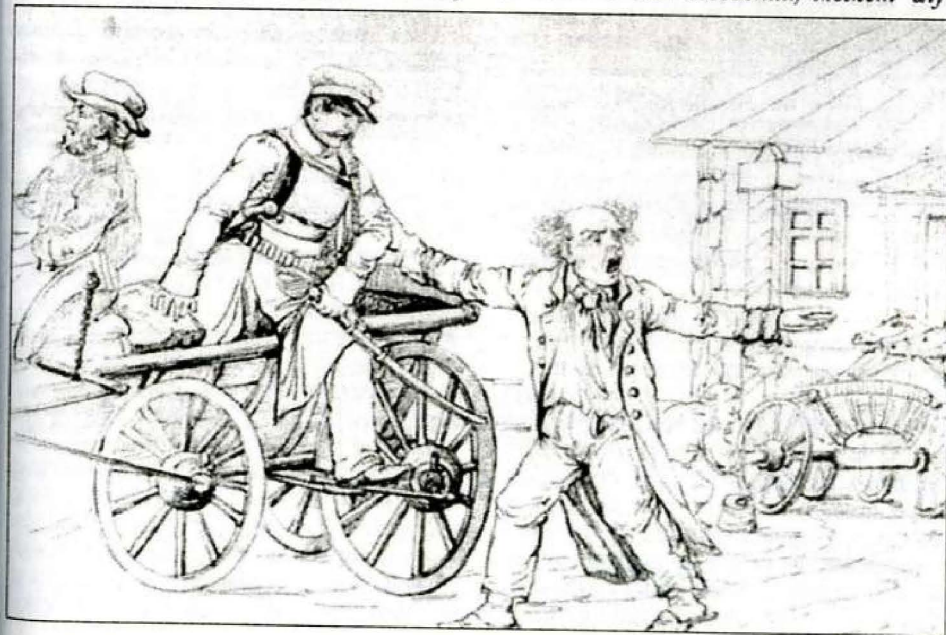
27 мая 1859 г. слуга самарского губернатора К. К. Грота, сидевший в лакейской его квартиры, услышал шум в коридоре. Он вышел на этот шум и увидел на полу конверт, адресованный Гроту. Как выяснилось позже, письмо было анонимным и в грубых выражениях порочило Самарина, обвиняя его в волюнтаризме. Это был уже не первый донос подобного рода. Слуга, выбежав на улицу, увидел двух убегающих людей и крикнул будочникам, чтобы те догнали их и выяснили, кто они. Будочник сумел задержать только одного — второй перескочил через забор и скрылся в саду губернаторского дома. Пойманный человек отказался отвечать, кто он. К преследовавшему его будочнику присоединились еще двое, и все вместе они повели было задержанного в полицию. Однако тот пожаловался, что устал, попросил будочников оттановить извозчика, а, усевшись на тарантас, приказал извозчику ехать к губернаторскому дому, от которого успел уже далеко уйти. Один из будочников также сел в повозку, а второй встал на ее ось сзади, и оба требовали ехать в полицию. Извозчик на свою беду послушался неизвестного, по его требованию поехал быстрее, и тогда пассажир столкнулся на землю будочника, который стоял сзади, а второго стал бить и бил до тех пор, пока и его не сбросил с таран-

таса. У дома губернатора приказал извозчику свернуть направо. Тот понял, что господин хотел только избавиться от будочников, а губернатор ему не нужен, и остановился. И тогда неизвестный ударил его по лицу, сбросил на землю и скрылся. Извозчик не сумел даже удержать лошадь, которая ушла домой. В буйствовавшем господине пострадавшие от его кулаков узнали Ивана Петровича Рычкова. Они тут же обратились в полицию, и дело получило огласку. К. К. Грот направил А. А. Катенину официальный рапорт, в котором говорилось:

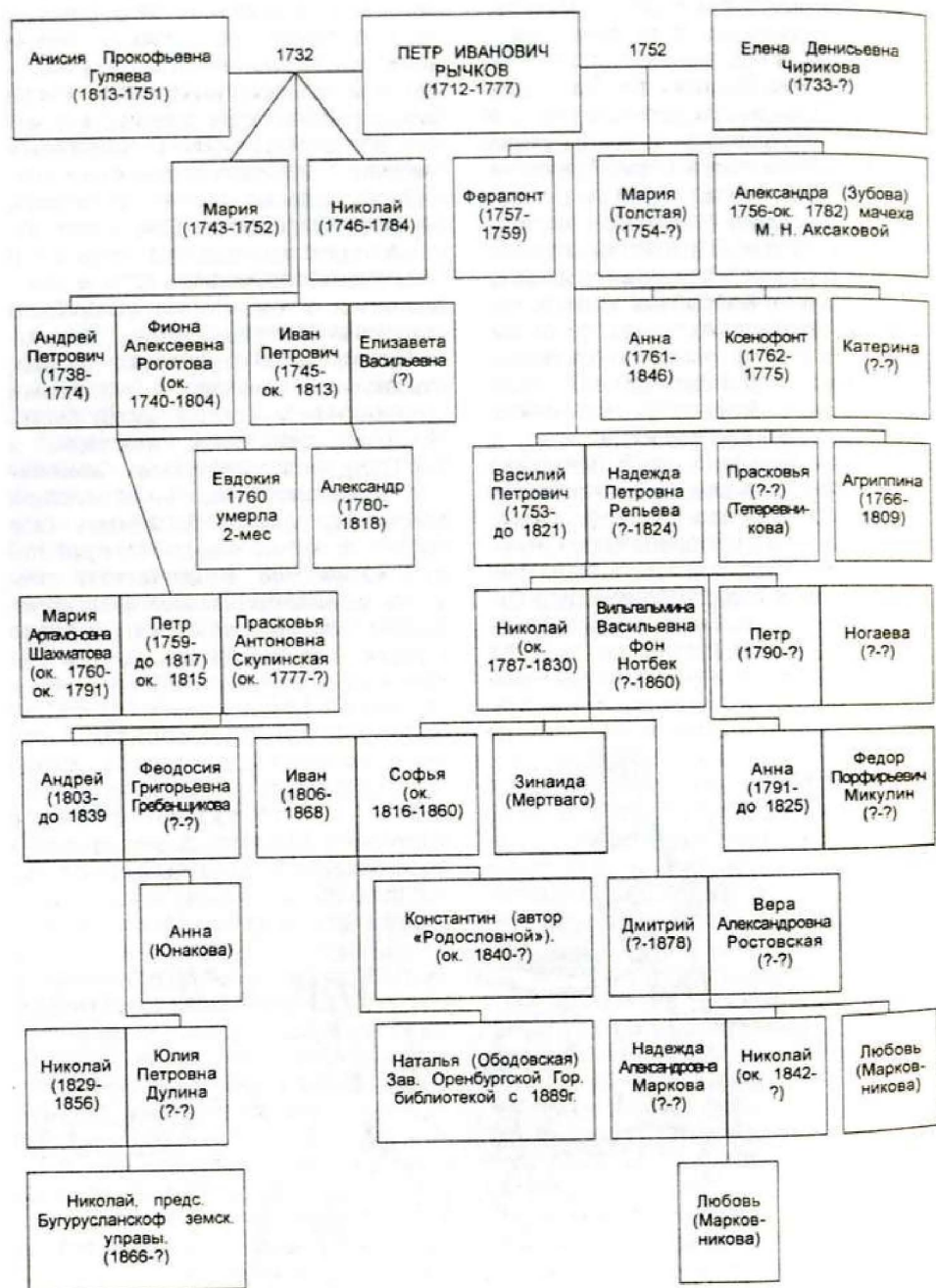
«При таких постыдных и несовместных с званием дворянина действиях г. Рычкова я... не считаю возможным оставить его ни в должности Уездного предводителя дворянства, ни членом Комитета по крестьянскому делу, а тем менее посылать его в Петербург для защиты проекта, против положений которого он постоянно протестовал». Кроме этого официального документа выделены еще и личное письмо Грота Катенину, в котором губернатор Самары пишет: «Я давно искал случай снять с него (И. П. Рычкова. — И. З.)

мантию дворянского величия и маску доброго и честного гражданина, которыми он пользовался, чтобы нагло обманывать... легковерных своих дворян...»

А. А. Катенин, как видно из его письма Министру Внутренних Дел, также имеющегося в рассматриваемом деле, связал происшедшее с разногласиями в Комитете по устройству быта помещичьих крестьян. Хотя «беспорядки» были прекращены, «партия Рычкова» продолжала выражать недовольство Самариним. Катенин опять упоминает о «превосходстве» Юрия Федоровича «во всех отношениях» и о том, что это «оскорбляет самолюбие его противников». Упоминает Катенин и об анонимных письмах, обвиняющих Самарина в «публичном проповедовании черному народу равенства и неуважения властям», а К. К. Грота — в «потворстве Самарину и в соучастии с ним в достижении преступных целей». Высказывая свое мнение по этому поводу, Катенин пишет: «...хотя мне и неизвестна сущность задушевных политических убеждений г. Самарина, но его ум и все, что я знаю о его поведении, может слу-

Родословное древо Рычковых

жить рачительством, что он в положении, в котором находится (под секретным надзором полиции), никогда не позволит себе поступков, в которых его обвиняет памятный донос». Далее в столь же осторожных выражениях Катенин сообщает, что хотя и нет доказательств того, что автором доноса был И. П. Рычков, но есть довольно веские основания полагать, что это именно так.

Во второй части своего обстоятельного письма генерал-губернатор указывает на несправедливость решения Комитета о выдаче пособия для поездки в Петербург только членам, избранным от дворянства. Катенин видит в этом новое проявление недоброжелательства по отношению к Самарину.

Наконец, третий пункт письма посвящен непосредственно инциденту 27 мая. Катенин пишет, что И. П. Рычков был у него в Оренбурге и заявил о своей полной непричастности к этому случаю. Именно после этого в Самаре были командированы из Оренбурга генерал-лейтенант Ладженский и коллежский асессор Тарасов для разбора обстоятельств.

Из этого документа видно, как старается А. А. Катенин быть справедливым, как он осторожен в обвинениях, как боится осудить невиновного, и все-таки несомненно, что его симпатии на стороне «левой фракции», как мы сказали бы сейчас.

Однако вот еще один документ дела. Высказывается «противоположная сторона». Перед нами — трогательное письмо И. П. Рычкова управляющему канцелярией Катенина А. А. Арцимовичу. В письме говорится, что М. В. Ладженский закончил следствие и не смог оправдать Рычкова и оградить его от клеветы. Рычков утверждает, что это действительно клевета, что тайные враги давно хотят очернить его в общественном мнении, и вот сходство с ним какого-то хулигана дало этим врагам хороший повод сделать честному человеку «единственное возможное зло». Далее автор письма пишет, что честное имя — единственное достояние его девяти детей, благода-

рит адресата за «теплое участие» в деле. «В ваших руках моя честь, без которой самое мое существование не только будет для меня тягостным, но даже невозможным», — такими словами заканчивается письмо.

А. А. Катенин сомневался, стоит ли давать дальнейший ход делу. Но 26 октября 1859 г. последовало распоряжение Министра Внутренних Дел Ланского о передаче документов в суд для того, чтобы не лишать Рычкова возможности оправдаться, если он невиновен, и для того, чтобы не оставить без наказания его крайне предосудительные действия, если виновен.

Восьмого декабря 1859 г. дело было передано в Самарский уездный суд, и о дальнейшем его ходе пока сведений нет. Не удалось узнать, действительно ли предводитель дворянства и почтенный отец семейства дошел до писания доносов и «буйства с будочниками». Но даже если предположить, что он стал жертвой ошибки, какую сложную картину политической борьбы рисуют рассмотренные документы! Здесь, как нередко бывает, мы видим двух близких родственников, которых эта борьба разбросала по разным лагерям. (Иван Петрович был, напомним, троюродным братом Дмитрия Николаевича и мужем его родной сестры Софьи Николаевны.)

Этот эпизод из истории одной семьи показывает, как трудно проводилась в жизнь крестьянская реформа, как не просто было избавить Россию от позора крепостного права.

Послесловие к части I

Добавим еще несколько слов о потомках П. И. Рычкова, живших на Оренбургской земле.

Дмитрий Николаевич Рычков в 1870 г. переехал в Петербург и умер в 1878 г. Как пишут П. Е. Матвиевский и А. В. Ефремов, именно этому правнуку П. И. Рычкова мы обязаны сохранением архива его прадеда. У Дмитрия Николаевича было два сына и шесть дочерей, одна из которых, Любовь Дмитриевна, была же-

ной знаменитого химика В. В. Марковникова (1837-1904).

А. В. Ефремов подробно изучил историю потомков ее брата Николая Дмитриевича, дочь которого Софья Николаевна вышла замуж за юриста Николая Васильевича Скалона и уехала вместе с ним из Петербурга в родовое имение Сулу. Сведения об этой линии родословной имеются в книге «Петр Иванович Рычков» П. Е. Матвиевского и А. В. Ефремова.

Следует упомянуть и о младшей из дочерей Ивана Петровича Рычкова, о котором говорилось в последней главе. На-

талья Ивановна была замужем за Николаем Семеновичем Ободовским. В 1908 г., когда была составлена «Родословная...» К. И. Рычкова, его уже не было в живых. В «Родословной...» говорится, что он служил в Оренбурге в учреждениях Министерства Финансов. Сама же Н. И. Ободовская заведовала Оренбургской городской библиотекой (ныне библиотека им. Н. К. Крупской). Ею составлены подробные каталоги этой библиотеки 1898 и 1900 гг.

(Продолжение следует)

